

Тарантул в Астрахани, одиночное восхождение на Памире, сельхозработы в Подмосковье и защита чести невесты друга

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1634>

🎙 23 августа 2013

Собеседник

Родоман Борис Борисович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 23 августа 2013 и опубликована 1 августа 2018.

Введение

Основная тема этой беседы — путешествия и экспедиции географа Бориса Родомана в 1952—1954 годы. Ближе к окончанию географического факультета МГУ Родоман вместе с однокурсниками и друзьями совершил несколько интересных поездок — например, в Астраханскую область, где он чуть не был укушен тарантулом, или на Центральный Кавказ, куда он отправился сразу после операции по удалению аппендицита, рискуя тем, что швы могли разойтись. Более комфортной, но не менее познавательной была поездка в Латвию, Литву и Эстонию, благодаря которой Борис Родоман сумел увидеть особенности менталитета прибалтийских народов. Сделанные им наблюдения дали возможность географу поразмышлять об особенностях русского народа и о возможности самоопределения малых народов в СССР и за рубежом.

После окончания геофака Родоман получил распределение в издательство «Географгиз», но не сразу приступил к работе по профессии, так как был отправлен на сельхозработы в Можайский район Подмосковья. Наблюдения за жизнью колхозников в небольшом селе, за их дикостью и отношением к приезжим москвичам также дала немало материала для размышлений географа, которыми он делится в этой беседе. Наконец, еще одна история — о том, как Родоман отправился на теплоходе с невестой своего друга, чтобы защитить ее от недвусмысленных притязаний другого ухажера. «Вот так мы едем, я лежу на верхней койке, она на нижней, мы лежим вдвоем в двухместной каюте, спим... И я сейчас тоже не могу этого понять. Люди были другие, было естественно для меня, что это невеста моего товарища, и почему я должен к ней приставать? Ничего такого не было. Десять дней мы так плыли», — вспоминает он,

Все факты Родоман описывает со свойственной ему дотошной подробностью так, словно они случились совсем недавно, хотя события эти произошли больше полувека назад. Это не просто описание произошедшего — для нашего собеседника это повод переосмыслить произошедшее и сделать выводы и обобщения о теоретической географии, своих научных работах и исторических процессах, происходивших в нашей стране, которым он был свидетелем. В этих историях — приключения, бесшабашные поступки, тяжелый экспедиционный быт, друзья и как всегда многочисленные возлюбленные.

Прикаспийская экспедиция

Борис Борисович Родоман: В прошлый раз мы остановились на осени 1953 года, когда я в течение лета побывал в Бурятии, потом осенью самостоятельно съездил в Хибины и к октябрю вернулся для продолжения обучения на геофаке МГУ, первый учебный год в новом здании. Но до этого я хочу вернуться к прикаспийской экспедиции 52 года, потому что я не упомянул две несомненно яркие вещи, возможно, интересные для слушателя.

Первая вещь касается теоретической географии. Большую часть лета 1952 года, еще в сталинские времена, я провел в дельте Волги. Но последнюю часть лета я оторвался от дельты Волги и поехал в город Енотаевск на правом берегу Волги и там некоторое время был в экспедиции, которая работала в степи под руководством профессора Андрея Николаевича Ракитникова. Там, вокруг одного из колодцев, я наблюдал явление, на которое обратил мое внимание Ракитников.

Колодец находился на стыке ареалов трех различных видов почв и растительности. В то же время вокруг колодца убывала степень вытоптанности его скотом. Около самого колодца было тырло, то есть место, полностью вытоптанное скотом, а дальше — все реже, реже, реже, и уже появлялась растительность какая-то, и эта растительность была совершенно различной на трех секторах, потому что секторы, на стыке которых стоял колодец, отличались по своему почвенному составу. И вот это — пример наложения концентрической зональности, когда есть центр концентрации какой-либо деятельности, и от него во все стороны концентрические зоны расходятся, а с другой стороны — три сектора, и каждая из зональностей преломляется по-разному, в зависимости от того, на какой она ложится сектор.

Ю. С.: Да, красивая модель.

Что такое теоретическая география

Б. Р.: Эта модель была потом мной использована для моделирования Центральной России и Московской области, потому что Москва стоит, неизвестно почему, на стыке трех физико-географических районов: к северо-западу простирается Московская возвышенность, к востоку — Мещерская низменность, а к югу — Москворецко-Окская эрозионная равнина.

И вот тут мы видим три типа культурного ландшафта, которые отличаются своей интенсивностью и застройкой по мере удаления от Москвы. Вот вам пример теоретической географии, которая может объединить необъединимое до того в одну модель, то есть теоретическая география может говорить о центре вообще, она может говорить о потоке вообще, она может строить такую модель, в которой автомобильная дорога и река совершенно аналогичны, — если она отвлекается от некоторых факторов, от некоторых особенностей. Допустим, дорога не так меандрирует, но есть и этого элементы, когда строятся дороги-дублиеры, обходные дороги.

Таким образом, теоретическая география — это описание идеального мира, который, с одной стороны, похож на земной мир, но похож в той степени, в какой мы это сходство сами устанавливаем, потому что предметом теории в науке являются идеальные объекты, а не реальные. Идеальные объекты употребляются для объяснения реальных объектов. Если в механике и физике для объяснения одного явления можно пользоваться одной моделью математической, то в гуманитарных науках и в географии это невозможно, поэтому там в подспорье этим моделям приходит интуиция человеческая.

На этом мы закончим экскурс в теоретическую географию. В том же 52-м осенью я быстро покинул Енотаевск. Я ездил туда отчасти потому, что девушка, в которую я был влюблен, Юлия Ласис, Юлия Вильгельмовна там работала, и мне было некоторое счастье с ней там пообщаться. Потом я обратно на пароходе прибыл в Астрахань, уже в одиночестве.

Вы можете спросить, почему я пользовался такой свободой и что я вообще там делал. Можно сказать, что я мало что делал для экспедиции. Я набирался своих собственных впечатлений, и никого это не пугало, никто мне особенно не мешал. И вот я один приехал на базу нашей экспедиции в село Трусово, которое находилось против Астрахани на правом берегу Волги. Никому я там не мешал, никому не был лишним, меня, естественно, сразу же там кормили, поставили на довольствие, как положено работнику экспедиции. Видимо, вычиталось что-то из зарплаты. Зарплата, то есть полевые, шла, все было как следует. Я там дождался, видимо, распоряжения, куда мне дальше двинуться. Еще был конец августа или начало сентября, время самое-самое хорошее для того чтобы работать в экспедиции в дельте Волги.

А сейчас мы перейдем к истории яркой и смешной. Среди нас был один студент по фамилии Сметанич, Вадим Сметанич, он, к сожалению, скончался давно, еще в советское время. Я думаю, если бы он дожил до наших дней, он очень хорошо применил бы свой талант, потому что он был коммерсантом от рождения. В советское время он проворачивал всякие аферы: он спекулировал, как это говорили тогда, то есть что-то покупал и перепродавал. Научился этому еще от своих родителей, которые еще в буржуазное время, видимо, были просто нормальными еврейскими коммерсантами. И это все он сохранил. В экспедиции работу он совмещал со своими торговыми оборотами. Он старыми книгами торговал, ювелирными изделиями. Понятно, что для меня все это было дико, тем более он был болтливый и хвастливый, когда рассказывал о своих подвигах, о том, как его бандиты приняли за своего где-то в Астрахани, и как он разговаривал с ними, общался и чуть ли не ночевал. Разговаривал с ними на их языке, ботал по фене. На все это, конечно, я только рот разевал, смотрел на него с восторгом как на забавный фрукт. Он был, видимо, годом старше меня. В дальнейшем с ним было тоже чудовищное приключение.

Он тоже там оказался в одиночестве, на перекрестке. Мы с ним оказались вдвоем в Трусове, на базе, где завхоз Храмов жил с двумя бабами, с хозяйкой и ее дочерью, по своему обыкновению. И там в одной из комнат этой очень просторной избы сушились укосы. Укосы — это образцы растительности. У нас же был отряд ботанический, все — ботаника и кормовая составляющая — были одной из главных компонентов нашей Прикаспийской экспедиции в те годы ее существования, а существовала она лет десять в 50-х годах XX столетия.

И вот там сушились укосы, в марлевых мешочках. Укосы — это когда отмеряется обычно один квадратный метр в подходящем репрезентативном месте и все-все, что там есть, состригается, видимо, ножницами. Потом все это кладется,

а дальше идет определение по видам и статистика, может быть, в гербарии, может быть, как-то иначе. Укосы, марлевые мешочки, на подоконниках были сложены в большом количестве. И из них выполз тарантул. Я даже не обратил бы внимание на него. А он [Сметанич] говорит: «Это тарантул». Я говорю: «Ну и что же теперь будет?» Он говорит: «Он меня не укусит».

” Сметанич, у него был пронзительный визгливый голос, он мне сразу прокричал: «Тарантул меня не укусит». — «Почему?» — «Потому что я алкоголик, а тарантул, укусив алкоголика, погибает».

Значит, выполз тарантул из гербария и хотел укусить Сметанича, но, почуяв в нем алкоголика, от укуса отказался. Так это выглядело. Потом он говорит: «Безобразие, эти ботаники развели тут тарантулов, я мог погибнуть или ты. Надо, — говорит, — жаловаться. Безобразие». Я говорю: «Ну, давай пошлем телеграмму начальнику экспедиции». А он говорит: «Все что хочешь, только за твой счет». Я говорю: «Пожалуйста, что мне, жалко телеграмму оплатить?» Я составил текст телеграммы руководству экспедиции, которое находилось в это время в селе Килинчи недалеко от Астрахани, в центре волжской дельты.

Я составил телеграмму от имени Сметанича: «Укушен тарантулом гербария требую наказания Соколовой Цаценкина». Соколова была очень милая уже тогда старушка, Нина Леонидовна наша, ботаник. Она всю жизнь жила в гербарии и скончалась сравнительно недавно, до ста лет не дожила, но до девяноста точно дожила. А Цаценкин был профессор, кормовед.

Ю. С.: Шуточки у вас дурацкие.

Б. Р.: А что здесь дурацкого? Ну вот... Я составил телеграмму от имени Сметанича, а дальше мне нужно было ехать: мне пришло предписание ехать именно в эти Килинчи, то есть я отправляю телеграмму, но я туда же и еду. Добираться туда полдня нужно было, учитывая тогдашний медленный транспорт. Сметанич не возражал...

Ю. С.: Но тарантул не укусил же?

Б. Р.: Нет, не укусил.

Ю. С.: А в телеграмме написано, что укусил. Шуточки дурацкие!

Б. Р.: Да, это хулиганство. И инициатором его, по сути дела, был я. Так ведь, да?

Ю. С.: Конечно.

Происшествие в астраханском трамвае

Б. Р.: Ну вот. Я собираю свой рюкзак, он у меня был небольшой, прощаюсь со Сметаничем, еду. Иду пешком по селу Трусово несколько сот метров до парома, переезжаю на пароме Волгу (Бахтемир, река Бахтемир), потом я сажусь на трамвай, еду на восточную окраину Астрахани. Нет, сначала я захожу на почтаamt и там я даю эту телеграмму, с главпочтаmtа. Потом сажусь на трамвай, еду на восточную окраину Астрахани. По дороге мне с груди отвинтили значок спортклуба МГУ, которым я очень гордился. Дело в том, что всегда хотелось показать, что я не кто-нибудь, а студент Московского университета имени Ломоносова, но значка персонального для студентов не было, а был значок «Член спортклуба МГУ», поэтому я носил такой значок.

Астраханский трамвай был такой же древний, как московский, те же восемь окон с каждой стороны, та же длина шесть метров салона. Но у нас-то стулья стояли поперечно, поэтому у нас было двадцать мест, включая восемь угловых, одно из которых занимал кондуктор, а там были просто лавки вдоль, две лавки, на каждой помещалось пятнадцать человек, так что там тридцать мест было сидячих, одно занимал кондуктор. И вот... Я же любил в окно смотреть! Я сидел, а шея у меня еще тогда гнулась, шея была повернута в окно, и кто-то у меня с груди этот значок свинтил. Дальше я сошел...

Ю. С.: Бог наказал за телеграмму!

Б. Р.: Ну вот, правильно, бог. Я сошел с трамвая: там идут огороды, пойма, и мне нужно еще пройти километра два по пойме, по огородам, по широкой тропе, где все люди ходят. И дальше на пароме, на лодке — и я уже в селе Килинчи. Значит, полдня у меня ушло, я еще, наверное, в столовой пообедал, если не в ресторане в центре Астрахани.

И вот я под вечер туда пришел. Пришел, смотрю: там все очень печальные, строгие сидят. Ночь наступила, при свете керосиновой лампы читают какую-то бумагу, никак не могут понять, что это. А было дело так: телеграмма, как она передавалась? Она ж по телефону передавалась. Телеграмму передали по телефону в село, которое находится на другом берегу от Килинчей, соединено с ним паромом, то есть совсем рядом с Астраханью находится. Туда по телефону передали текст этой странной телеграммы. Его записали местные фиолетовыми чернилами, на лодке привезли на другой берег и там вручили. Ну вот.

А там татары жили. Им, конечно, трудно было понять.

” И вот они от каждого слова оторвали что-то и прицепили к следующему слову. Получилась полная галиматъя. Одно только понятно: требую наказания. Это всем было понятно в СССР.

Вот люди и сидят. Я все им объяснил. Я объяснил это так, что это Сметанич послал, и всю историю им рассказал. О том,

что я это придумал, ни слова. И на меня никто не подумал, никто меня ни в чем не обвинял. Они смеялись, как говорится в сказке, три дня. Три дня смеялись, а на четвертый рассердились. Такой вот яркий пример: сначала люди участвуют в хохме, как было с похоронами Потенота, а потом начинают о партийной совести думать. Цаценкин, профессор, закричал: «Безобразия! За это хулиганство надо исключать из университета». А на меня никто ничего не подумал. Значит, хулиганом был я, да? Так получается?

Ю. С.: И не просто вы были хулиганом, а вы еще подставили вместо себя...

Б. Р.: Нет, ему ничего не было, все замяли. Обычно это когда сгоряча чего-то решается. Сметанич отличался, о нем стоит рассказать, кое-какими подвигами.

Например, на дальней практике, видимо, в Центрально-черноземных краях, он надел на электрическую лампочку презерватив, потому что она была слишком яркой. А тогда же знаете какая была нравственность? Девочки у нас девственными были, не положено было вообще знать, что такие штуки есть. Вот девочка приходит и говорит: «Ах, мальчики, как у вас в комнате уютно!» — и все такое. Вдруг: «Ах!» — кто-то сообразил. Тоже за это ему чего-то [было]... но выговора не было.

Ну и, наконец, когда он со своими странностями окончил геофак, его, разумеется, ни в какую аспирантуру, никуда в хорошее место не могли направить по многим причинам, в том числе и по анкете. И его направили в провинцию учителем, но не в какую-нибудь, а в Дагестан. (*Усмехается.*) Но это еще советский строй. Человека из Москвы направить учителем в Дагестан! Ну что дальше может быть? Но он и там отличался эксцессами. Он купил осла и на нем ездил в школу. Толпы людей, конечно, собирались вокруг него. Он доказывал, что имеет право на осле ездить. Потом он обыграл в шахматы министра то ли образования, то ли внутренних дел Дагестана. Но он с этим министром подружился, и тот ему помог оттуда убраться. Естественно, он убрался в Москву, естественно, в Москве не сразу устроился на работу, как все в таких случаях. Потом как-то получил отдельную квартиру, еще жаловался, что домохозяйки не разрешают ему в своей квартире ходить в одних трусах. Ну и так далее. В общем, это уже типичная жизнь советского человека. К сожалению, он скончался, я думаю, пятидесяти лет. (*Даты жизни: 1930—1996 — Здесь и далее примечания Бориса Родомана.*)

Ю. С.: В общем, себя он ни в каком деле не нашел.

Б. Р.: Как сказать. Он работал экономико-географом чуть ли не в СОПСе. Нет, почему же. Все же что-то такое было, СОПС или КЕПС. Но в Институте географии его, по-моему, не было, а, может быть, это был Институт транспортный, может быть, даже ЦЭМИ... Нет, Экономико-математический институт, по-моему... Но все это можно проверить. И я прошу прощения у всех кто, может быть, это услышит: то, что я говорю в смысле фактов и точности, конечно, уже не стопроцентно... Если бы я писал мемуары, я, конечно, проверял бы все. Это отступление касается осени 52 года, но в прошлый раз мы остановились уже на осени 53 года.

Первая научная работа

Итак, я, по сути дела, сбежал из Бурятской экспедиции, побывал в Хибинах — а тут наступает зима. На какую же тему мне писать курсовую работу? Как полагается, по материалам практики — нет, ничего мне такого летняя практика не дала. Но я договорился с Баранским, что у меня такая тема: районирование и качественный фон, то есть тема, которой я загорелся весной 53 года, когда по коридору старого здания шел и видел, как раскрашивали карту Кавказа.

Я совершенно самостоятельно начал это писать и писал всю зиму. Но работа-то большая, толстая, в прошлый раз я ее тебе показывал. Мне все уже ясно, мне ясно, как работа будет закончена, — все мне было ясно, а времени не хватает. А тут наступает апрель. В апреле у нас курсовые работы защищаются. По-моему, в марте защита начиналась, гораздо раньше — а я не прихожу на защиту. Я пишу дома, мне некогда. На занятия не хожу, естественно. Ни на какие занятия не хожу. Обычно мои друзья [обо мне] заботились, чтобы непосредственно с деканатом я дела не имел. Сначала на разведку домой ко мне приходят, спрашивают, что же я делаю. Я говорю: «Вот-вот...». Они говорят: «Ну, на экзамен ты же должен явиться!» Я говорю: «Да, конечно, но вот у меня работа не готова». Наступает весенняя сессия, с первых дней мая, а я не прихожу на занятия, потому что я еще не кончил свою гениальную работу, которую я тебе показывал, ту самую, толстую курсовую работу.

И вот наступает уже 12 мая, может быть, даже 15-е. А я не прихожу вообще на факультет, потому что занят, пишу работу. И тут меня третий и последний приступ аппендицита схватил, к счастью.

» **«Скорую помощь» вызвали, санитары стоят в дверях, а я последнюю точку ставлю в своей рукописи и говорю родителям: «Передайте Баранскому». И меня в больницу.**

Ничего страшного, в больнице аппендицит вырезали, мочу спустили. Ребята, конечно, ахают, ко мне приходят, помогают мне. Ну, значит, сессия отпадает. Но остается вопрос: хорошо, аппендицит, но это ко второй половине сессии [относится]. А первую половину сессии почему на занятия не ходил? Ну, тут Баранский помог. Говорят, что он стукнул кулаком — но это все легенды — по столу стукнул... Приказал меня не трогать. В общем, деканат смолчал... Перенес мне эту сессию на осень. Вот, значит, я четвертый курс закончил. Эту свою гениальную работу я Баранскому дал. Сейчас точно не помню, когда именно она перепечатывалась на машинке, но это уже другое дело. Я, видимо, принимал участие в ее оформлении.

И что же дальше? Наступает июнь. У меня аппендицит только-только вырезали, но я, несмотря на это, отправляюсь в туристский поход через Центральный Кавказ. У меня был закадычный друг Костя Шилик, которого я очень любил, он был мой одноклассник еще по периоду с восьмого класса по десятый. Он еще жив, сейчас живет в Гамбурге. Костя Шилик — белорус, но по еврейской линии эмигрировал вслед за своей женой, в какие-то годы, в Германию. Сейчас живет в Гамбурге. Он археолог, хотя начинал как инженер-ракетчик и очень любил археологию. Археологи его никак не хотели принимать

за своего, никак. Но когда он им устроил геофизические методы и с их помощью нашел несколько античных городов в прибрежной зоне Черного моря, они его признали. Ему пришлось защититься, он кандидат географических наук по палеогеографии. Ну вот, значит, там Костя Шилик себя сразу проявил как предводитель туристских походов. И вот я отправился со студентами МВТУ имени Баумана во главе с Костей Шиликом в замечательный поход через Центральный Кавказ. Мы не просто шли, а проехали сначала по Военно-осетинской дороге до Рокского перевала, потом вернулись немножко назад... Там есть такая долина замечательная... (*Цейская — Б. Р.*)

Ю. С.: А что ж, никаких учебных заданий уже не было?

Б. Р.: Нет, я обещал приехать на работу опять в Прикаспийскую экспедицию. Но сначала мне нужно было это проверить — мое личное дело, мой поход, а после похода я обещал сразу явиться с Кавказа в Прикаспийскую экспедицию и опять присоединиться к работе. Так я договорился с кафедрой.

” Тут были некоторые волнения: а не разойдутся ли у меня швы? Как же можно так, сразу после операции? Нет, швы не разошлись. Правда, у меня там почему-то был приступ ишиаса, и я даже одно время хромал, но потом он прошел.

Значит, доехали мы до Рокского тоннеля, потом немножко назад, потом на запад в эту яркую долину... Посетили Орджоникидзе (Владикавказ, Дзауджикау), а от Владикавказа поехали по Военно-грузинской дороге до самого перевала, до границы с Грузией. И назад, в Грузию не поехали. Потом мы поехали по Военно-осетинской дороге. Даргавское ущелье посетили, это место, где мумии мумифицируются сами по себе, перевал Кахтисар, городок мертвых, Даргавс, Архонский перевал и так далее. Цейский ледник. Оттуда мы пересекли Большой Кавказский хребет по малоизвестному перевалу Бахфандак. И попали в ландшафт, похожий на Шпицберген. Такое плоскогорье, снег лежит пятнами. Там увидели внизу Дарьяльское ущелье, мы в него спустились. Я благодарен Шилику, маршрут был очень нетривиален, и, с одной стороны, мы поехали где надо и машиной воспользовались, а с другой — пешком пересекли Южную Осетию в самом глухом ее месте.

Ю. С.: Группа-то большая была?

Б. Р.: Да, человек восемнадцать. Была там и девочка, конечно, на которую глаз клал, но это мелочи. Там был замечательный парень, Орест Шлэнский, он стал профессором, по-моему, сопромат его специальность. (*Горение и взрывы — Б. Р.*) У него много монографий, по данным интернета, он еще жив. После этого я расстался со своими друзьями... Да, мы побывали в Тбилиси, где-то еще. Нет, в Гори нет, но в Мцхете, видимо, и в Тбилиси... Видимо, я с ними там расстался, стал один путешествовать по Грузии.

У меня первое впечатление о Грузии было сложным. Сразу возникло такое, что, с одной стороны, люди очень гостеприимные, и если ты чей-то друг или друг их друзей, перед тобой все открыто, тебя на руках носят. Но если ты просто так ходишь, все ужасно дорого, невозможно... Вот такой странный парадокс. Наверное, одно другим компенсируется.

А я в те времена очень любил бриться в парикмахерской, тогда это стоило десять копеек. Сам дома не брился, ходил в парикмахерскую часто, и меня там брили. Сейчас это немыслимо, сейчас нет этого ничего.

” Как-то я пошел бриться в парикмахерскую, меня бреет парикмахер, как всегда разговаривает, потом говорит: «Вы, наверно, думаете, что я грузин?» Я говорю: «Я ничего не думаю». — «Нет-нет, молодой человек, вы скажите, вы, наверно, думаете, что я грузин?» Я говорю: «Да нет, я ничего не думаю, мне это безразлично». Он говорит: «Я не грузин, я еврей! Вы, пожалуйста, не думайте, что я грузин». Вот в таком духе.

Дальше я поехал по железной дороге, и не куда-нибудь, а в Баку, мне ж потом надо было в Астрахань направляться. В Баку мне ночевать негде, денег почти нет, я зашел (там вахтера не было) в общежитие университета, лег на диван и там спал. Утром вокруг меня собралась толпа: выясняли, кто я такой. Когда выяснили, когда я им показал бумаги, на них подействовало, меня отпустили. Дальше взял билет, сел на самолет. Это был первый мой в жизни полет на самолете. Летел я не из Москвы куда-нибудь, а из Баку в Астрахань, самолет был обыкновенный, винтовой...

Ю. С.: А что не на пароме?

Б. Р.: Мне неизвестен был такой путь... Сомневаюсь, что он вообще существовал. Значит, самолет винтовой, хорошо было видно Каспийское море. Ничего со мной не случилось, рюкзак был при мне. Летели в Астрахань, там, помню, врач выходил на летное поле. Дело в том, что тогда еще самолеты были не столь распространены, поэтому, когда прилетали, всегда врач присутствовал или «скорая помощь», на всякий случай.

Экспедиция в Черные Земли

Потом я явился в свое Трусово, на эту базу, два года спустя, и как-то мне предложили, вернее, я сам примазался к тем, кто едет в степь на Черные Земли, к западу от Астрахани. Это был центр Калмыкии нынешней и прежней, но тогда там калмыков не было, они были в депортации. И там хотели какое-то хозяйство делать, думаю, там в качестве чабанов использовали казахов. Кто еще мог этим заниматься? Были там такие сцены, как погоня на машине за сайгаками, сайгаков было много еще. Сейчас, наверно, их уже...

Ю. С.: А почему такое название, Черные Земли?

Б. Р.: А название... Вот это название хорошее. Дело в том, что на них зимой снега мало, и это зимнее пастбище. Летние пастбища в горах. Ведь это же все нарушено, вся система пастбищ на Кавказе. Ведь было так, что, я не берусь судить этнические вещи, но существовали какие-то коридоры и проходы, где совершенно инородные этносы шли, скот перегоняли ежегодно. Скот летом пастись в горах, а зимой на Черных Землях. На Черных Землях снега было мало. Если снега выпадало много и скот не мог достать корм, тогда начинался падеж. Или называлось это иначе, по-моему, — джут. Потом сделали так, что к Дагестану, стране гор, приделали ужасно огромную равнинную территорию, то же самое с Чечней проделали. То есть прирезали земли, которые никогда не населялись горскими народами, никогда. Ни чеченцы, ни дагестанский народ там не жили. Они там только скот пасли, а вот теперь к ним прирезали эту территорию, изменили административную границу. А это была территория Астраханской области. Калмыкию поделили между Ставропольским краем, Астраханской областью, возможно, со Сталинградской. Эта часть Черных Земель принадлежала Астраханской области.

Я там присоединился к экспедиции. У меня были кое-какие обязанности.

Они измеряли расход воды в колодцах варварским способом: нужно было подъехать к колодцу, замерить уровень, потом вылить из него двести ведер воды, просто на землю, и опять замерить.

Двести первое ведро — на себя, потому что жарко. Да, конечно, чабаны возражали, [говорили, что] все это варварство. Я не очень страдал от жары. Я понял, что пить надо немного. Ни в коем случае просто так воду не хлебать, ни в коем случае. Я утром выпивал два граненых стакана чаю. В обед тоже два граненых стакана чаю и так же на ужин, и все. Очень интересно там было дело с туалетом, ведь это была степь. У кочевых степных народов халаты длинные, там все иначе. Женщины там без нижнего белья, и они мочатся вообще стоя. Но у нас, у цивилизованных людей все не так. Это делалось при помощи автомобиля. Утром все мужчины садились на грузовик, он отвозил их далеко-далеко, за много километров от лагеря. Потом они садились на корточки вокруг какой-то ямы, все вместе. Женщины оставались в лагере, шли пешком за бугор. За бугор тоже шли метров триста, а то и больше.

Ю. С.: Что же, лень было сделать туалет?

Б. Р.: Это никому и в голову не приходило! О том, что может быть какой-то передвижной туалет.

Ю. С.: Да не передвижной, а просто...

Б. Р.: Езда на грузовой машине, конечно, очень запомнилась. Стоит жара, а машина эта типа фургона, она продувается. Если спереди машину закрыть брезентом, то ничего не видно, мы все сидим на передней скамейке, от этого сразу жутко холодно. Мы сидим в ватниках, на голове шапки, а как машина останавливается — сбрасываешь ватник и тут уж жара 40 градусов. Тем не менее я очень любил Черные Земли, и мы проехали по ним много, всю часть юго-восточную, которая к Каспию примыкает, и западные, подступные ильмени, и те места, где бэровские бугры окружены уже не лугами, а тоже песчаными понижениями. В общем, сложная там геоморфология, очень интересная, много об этом было написано.

Потом я поступил в распоряжение экономгеографического отряда, который формировала наша кафедра. Я же был экономико-географ. Поступил я, и мы поехали. У нас был отряд. Что он изучал? Колхозы, совхозы... Работа у меня была самая сложная — переписывание от руки колхозного отчета. Но редко я этим занимался. Чем-то занимался, не могу сказать чем. Отряд был хороший, во главе его стояла Анна Андреевна Перцева, женщина тогда еще молодая, но она старше меня, естественно, ее уже сейчас нет в живых. Там была Лена Январева, картограф. Лениана Федоровна Январева. Сведений о том, что она умерла, нет, по-моему, она сейчас в возрасте гораздо более преклонном, чем я, по-прежнему плодотворно работает на кафедре картографии географического факультета МГУ. Доктором она вряд ли была, а кандидатом была. Много у нас таких людей... Следующая — моя однокурсница, Юля Ласис, Юлия Вильгельмовна Ласис.

Ю. С.: Власис?

Юлия Ласис и Густав Апетауэр

Б. Р.: Ласис. Она была дочерью литовского немца, который, видимо, превратился в литовца, чтобы избежать депортации. Может быть, поэтому ей приходилось усиленно заниматься комсомольской работой: она была комсоргом курса. Звали ее Юлия Вильгельмовна, а брата ее звали Вильгельмом. Он потом стал машинистом и электрички водил некоторое время. Я в нее был безответно влюблен на первом-втором курсе. Сейчас это уже была другая эпоха, и эта Юля была уже невестой или женой моего однокурсника Бориса Хорева...

Ю. С.: Бориса как?

Б. Р.: Хорев. Тоже видный ученый, о нем много есть в интернете, у него много учеников... Но он тоже умер. Ну, если бы он не пил много, то не умер бы. Он не был алкоголиком, нет, но употреблял водочку. Такие люди долго не живут, которые водочку время от времени пьют.

Ю. С.: Это вы в мой адрес...

Б. Р.: Да-да, это в твой адрес, не пей, просто так не пей. Ну вот, Хорев... У Хорева была какая задача? Ему надо было стать москвичом. Он был из города Кашина. Город Кашин помнит своего ученого Хорева, есть там сведения в краеведческом музее. Город небольшой, великих людей мало, вот они его и... Город Кашин гордится своим славным сыном. (Кашин — это в Тверской области.) Хореву надо было стать москвичом, и мне их жаль, они жили в ужасных условиях: комната десять

квадратных метров, где она жила со своим братом и мамой, еще и Хорев вселился туда. Это невероятно. Ну тебе же это знакомо, я думаю.

Ю. С.: Ну... знакомо.

Б. Р.: Ну ты немножко моложе... Не было в то время еще хрущевских отдельных квартир.

Ю. С.: До четвертого класса я жил в коммунальной.

Б. Р.: Ну вот. Она была рядом со мной, бывшая любимая девушка, она была уже женой Бориса Хорева, с которым у меня отношения были, конечно, не очень приятные.

Ю. С.: Уже не ваша.

Б. Р.: Ну, она моей никогда не была. Несмотря на это, у нас были прекрасные товарищеские отношения, девушки обо мне заботились в бытовом смысле. Все было хорошо. Главным у нас там был шофер Леша. На этот раз нам попался очень хороший шофер, женщины его любили. Это был молодой парень, даже ласковый в какой-то степени... Они его любили, он их слушался. Так что жили мы душа в душу. И наконец, там еще один был интересный студент, Густав Апетуэр. Он из Чехословакии, настоящий чех... У нас к тому времени уже учились студенты из стран народной демократии. И кореец у нас был Кан Сек Хён на курсе... И румын Апэвлоайей, такая у него была фамилия, из города Яссы. Был я в Яссах, но его там не нашел. И Густав Апетуэр. Фамилию он получил от эльзасских немцев, которые были среди его предков. Мне интересно было с ним, он очень много мне рассказывал. Например, рассказывал такие удивительные вещи, что в Чехословакии нет деревни, которая бы отстояла дальше трех километров от автобусной остановки. У нас такого тогда не было. Сейчас у нас, пожалуй, так, но зато у нас деревни, которые не дождались автобуса, просто исчезли.

На меня тяжелое впечатление произвели нужники, уборные сельские. Уж таких мерзких, таких грязных я нигде в жизни не видел. А в это время, в это лето, у меня уже не было научных идей по теоретической географии, которые бы я черпал из ландшафта, это все было прошлые два года.

” Я решил, не составить ли мне нужнико-географический профиль, то есть изобразить обобщенный нужник, грязный, деревенский, с червями, которые в нем копошатся, но сделать из него профиль, как бы охватывающий всю европейскую часть от Арктики до Кавказа.

Ю. С.: А что значит «сделать профиль»?

Б. Р.: Я сейчас точно не помню. Не стоит в это вникать... Это же можно понимать из жанра «Ученые шутят». Мы с Апетуэром проехали на машине по правому берегу Волги, от Астрахани чуть ли не до Сталинграда, потом переехали через Волгу на пароме, побывали в Волго-Ахтубинском займище — это такой рай: и арбузы растут, и деревья там высокие. Побывали в Капустинном Яру, при том что Капустин Яр — это центр гигантского военного полигона, но это нас не касалось, это все было так засекречено, что этого мы не видели... И там проехали тоже, по тому берегу. Это было довольно ярко. Вот список моих путешествий...

Ю. С.: Брат моей бабушки там провел много-много времени.

Поездка в Сталинград

Б. Р.: У меня девушка есть, у которой завтра день рождения, она уже глубокая старуха, она тоже отдала свою жизнь Капустинному Яру... В конце концов, уже без возврата в Астрахань, мы поехали в Сталинград. Он тогда так назывался — Сталинград. А на мне были одни-единственные брюки, сатиновые.

Ю. С.: А как он тогда выглядел, Сталинград?

Б. Р.: Он уже хорошо отстроился, в нем ничего довоенного не осталось. На него были брошены все деньги. В отличие от других городов, о которых я сейчас скажу, он выглядел как куколка, но уже Волга была совершенно не та, все это выглядело совершенно иначе. Театр там был построен в сталинском стиле. Но сохранилось здание универмага, по-моему, в котором брали в плен Паулюса... Что-то такое я там узнал. В одном из своих предыдущих выступлений я что-то говорил о посещении Сталинграда довоенного... Послевоенный Сталинград ничего общего не имел с довоенным. В довоенном Сталинграде Волга была как бы недоступна для прогулок, она была огорожена целой цепью всяких элеваторов, дебаркадеров, всего такого. Сейчас свободна, потому что в послевоенное время была сделана набережная, фонари стояли витые, по-моему... Волго-Донской канал когда был построен, в 52-м?

Ю. С.: Не скажу...

Б. Р. В общем, он тогда был.

Ю. С.: Исинбаева, знаменитая наша спортсменка, она из Волгограда родом, она сказала, что это такая дыра, где жить нельзя, и «дыра-дыра-дыра-дырой», и «я там жить не хочу, буду жить в Монако...»

Б. Р.: Я могу еще что сказать... Про довоенный Царицын. Есть же хорошие у Сергея Меча описания Сарепты, где жили немцы. Он с восторгом описывает город Сарепту, как там было чисто, культурно. Там жили немцы, они разводили горчицу, многое такое... Могу тебе дать эту книжку. Мало ли что было, все это забыто, бесследно исчезло. То, что она считает это дырой — да, к сожалению... Мне об этом, конечно, судить трудно, но я представляю, что сейчас нигде жизни нету в России, видимо, кроме

Москвы и Питера. Так люди думают, да.

В общем, вернемся. Какие у меня там были яркие впечатления? Во-первых, я впервые там побывал на садовом участке такого типа, как у нас у всех были — шесть соток. Они тогда только получили развитие... Это год 54-й, и там мы посетили...

Ю. С.: Это Хрущев дал.

Б. Р.: Это еще не Хрущев. 54 год — это переход, так сказать, к Хрущеву. Раньше это было, Хрущев еще как-то не в полную силу был. Ладно, не будем в политику, в историю углубляться.

Значит, уже были эти садовые участки классические. Интересно, кто это были — это были родители нашей однокурсницы, Юли Елхóвой. Она была очень хорошая милая девочка, как котенок, нежная, красивая, и она, как я уже сказал, вышла замуж за дипломата и всю жизнь прожила в Ираке. Но тогда еще она не вышла замуж, и мы у ее родителей были в гостях. Она лето там, видимо, проводила или остаток лета. Я там впервые познакомился с маленькими помидорами в виде слив, они мне ужасно понравились. Нас этими помидорами угощали... Весь наш отряд был там у них в гостях, возможно, мы там и ночевали.

Ю. С.: Я о таких помидорах узнал только в 2000-е годы.

Б. Р.: Они были как слива, но не кругленькие, как ты сегодня у меня видел, а продолговатые, сладкие...

Так вот, что я хочу сказать: на мне во время всего этого путешествия были одни штаны, только одни.

Ю. С.: Как всегда.

Б. Р.: Не совсем. Сейчас это джинсы — они же прочные, а это были сатиновые. Вот ты представь себе сатиновые трусы семейные...

Ю. С.: У меня были шаровары сатиновые, я и в поле в них ходил...

Б. Р.: Вот это и были сатиновые шаровары, и ничего больше, под ними ничего не было.

Ю. С.: Вот это неправильно. Трусы должны быть.

Б. Р.: Трусы были, да. Но уже наступали холода, осень, и вот мы ехали на грузовой машине... Сохранилась фотография. На Кавказе мы все приобрели войлочные шляпы белые, знаешь такие?

Ю. С.: Знаю.

Б. Р.: На мне была куртка х/б, из экспедиции. Сидел в сатиновых шароварах, в куртке х/б, подняв кверху (на машине сидел, не прятался от ветра) воротник. На мне была шляпа и поверх нее полотенце. Я как пленный фриц: все лицо закутал полотенцем от ветра. Да, и мало того, что эти штаны были тонкие сатиновые, они еще и полиняли сзади, полиняли и порвались — в них была дыра, потому что мы на пятой точке по траве съезжали с какой-то горы на Кавказе. На Кавказе, помню, я большое расстояние проскользил по траве сверху вниз. И вот в этих штанах я пошел в театр.

Ю. С.: Ай-яй-яй...

Б. Р.: Мы пошли в театр, видимо, оперы и балета, я так стыдливо прикрывал сзади рукой эту дыру. После этого мы поехали в Москву. Но был еще только сентябрь, а занятия начинались 15 октября. Как я уже говорил, на каждом курсе занятия начинались на пятнадцать дней позже, но может быть, это неточно, что на каждом прибавлялось пятнадцать. Во всяком случае, в 54 году занятия начинались 15 или 16 октября, а я вернулся в начале или середине сентября. Да, в середине. Я вернулся в Москву, а у меня же еще впереди каникулов немного осталось, и я решил поехать посмотреть Прибалтику, я же раньше там никогда не был. Родители дали мне деньги, и у меня началось замечательное путешествие по советской Прибалтике. Я пересек Эстонию, Латвию, Литву, Калининградскую область...

Ю. С.: Я надеюсь, одеты были прилично?

Б. Р.: Да, там я был уже не в этих шароварах, я был в городских брюках. Кроссовок тогда не было, на мне были городские ботинки. Я сел на поезд «Москва —Таллин», который шел через Тарту, через Псков. Утром я сошел с поезда в Тарту. Ты был там?

Ю. С.: Нет, к сожалению.

Путешествие в Прибалтику

Б. Р.: Жаль-жаль. Это большая потеря. Когда я сейчас буду говорить тебе о Тарту, если ты не имеешь о нем представления зрительного... Что меня поразило? Какой-то очень странный запах там стоял. Запах этот немножко напоминал запах, может быть, сланца или угля, но он везде, по всей Эстонии. Наверно, там им топили печи. Я не могу сказать, что запах неприятный, но какой-то очень странный. Также мне очень понравился эстонский хлеб черный, белого мы там вроде не ели. Как я уже говорил, если бы [здесь] был такой же хлеб, как в Эстонии и Финляндии, я бы белого хлеба не ел.

Сразу, без всяких проблем, устроился в гостиницу, какой-то «Парк-отель» или «Парковый» он назывался, все очень дешево. Гостиницы тогда дешевые были. За три или два рубля отдельный номер можно было получить, за семьдесят копеек — общежитие. Если три человека, то по рублю с койки. Ну, может, рубля полтора-два. Но это потом уже, когда деньги обменяли,

а тогда, видимо... В 61-м реформа-то была? Это было пятнадцать — двадцать рублей сталинских. И я прекрасно этот город осмотрел. К сожалению, наши разбомбили центр города и построили еще уродливое здание гостиницы. И там стоял еще военный гарнизон, которым впоследствии командовал генерал Дудаев. Его сейчас сделали героем Эстонии, а тогда он был оккупантом. Река Эмайыги, много интересного... Гора, на которой находится обсерватория, старинное здание университета, прекрасная столовая, где хорошо кормили котлетами...

Ю. С.: А как вас воспринимали? Вы же тоже русский оккупант.

Б. Р.: Хорошо меня воспринимали. Никто ничего плохого мне не говорил.

Ю. С.: Вы же русский?

Б. Р.: Ничего такого я там не заметил. Ничего. Бывали разные истории с моими друзьями, а со мной никогда ничего такого не было. А уж потом, когда я прославился как ученый, меня вообще в Эстонии обожали. Там у меня четырнадцать работ опубликовано.

” Мне даже, когда выгоняли из МГУ, сказали, что я так часто публикуюсь в Эстонии, что мне надо туда и убираться, и нечего мне делать в Москве, в МГУ.

Ну, тогда еще я как ученый им не был известен. Значит, все это я посмотрел, свободно вошел в университет, обошел его, видел актовый зал, все это было легко-свободно. Одна из улиц названа именем хирурга Пирогова, который там учился, еще несколько русских оттуда вышло. Но в основном оттуда вышли наши великие русские ученые, как Эмиль Христиан Ленц, Карл Фридрих Ледебур и другие, которые создали в России науку...

Ю. С.: Карл Фридрих Бэр.

Б. Р.: Максим. Карл Максим Бэр.

Ю. С.: Вы кого упомянули?

Б. Р.: Ну, бэровы бугры, потом сила Кориолиса, асимметрия берегов, особенности симметрии, закон Бэра-Бабине. Знаешь такой?

Ю. С.: Там памятник Бэру, по-моему, работы Опекушина...

Ю. С.: Автора памятника Пушкину.

Б. Р.: Вот-вот, что-то там есть, какой-то монумент 300-летия Романовых. В общем, прекрасный город. Я, конечно, прокатился по реке Эмайыги до самого Псковского озера, или озера Пихква, как по-ихнему называется. Потом назад. Я много раз потом был в Тарту. После Тарту я поехал в Таллин. Из Тарту еще съездил в Отепя. Это замечательно место, за один день съездил, там озеро красивое.

” Интересные там застал места, где не было электричества, на отдельных хуторах еще керосиновые лампы были. Ну, это только на хуторах.

А потом я приехал в Таллин. В Таллине я устроился, скорее всего, в общежитии, в северной части города, более труппной. Да-да, это было что-то очень труппное. И русские как раз жили там, в северной части города.

Ю. С.: Кто жили?

Б. Р.: Русские. Русских было больше там. В какой-то очень паршивой гостинице я устроился. Но все было нормально. Стал объезжать окрестности... Вот там уже железная дорога была электрифицирована, и по ней ходили, как и в Подмосковье в 50-х годах — но их потом убрали, — в качестве электрички ходили трофейные вагоны берлинского метро. Но это, возможно, было не подземное метро в нашем смысле, видимо, это была надземная линия S-bahn. Но они были уже наших вагонов, поэтому нашими платформами приходилось слишком много перешагивать. Сидения там были простые желтые, без тамбуров, двери просто открывались как в метро, по краям и посередине. Помню, как мы по Павелецкой дороге ездили, и там они еще сохранились.

Я посмотрел все окрестности: и парк Кадриорг, и замок, который там стоит. Парк был назван Петром I в честь своей жены Екатерины — Кадриорг. Он так у эстонцев называется, видимо, он назывался у немцев Катериненталь, наверное, потому что «орг» — это долина, по-немецки — «таль». Это, видимо, был Катериненталь.

Конечно, это было яркое путешествие. Интересно было чувствовать, что государственных границ уже больше нет, я могу три бывшие страны, даже четыре, проехать без всяких пропусков, без всяких пограничников...

Ю. С.: Ну а что запомнилось? Что отличало Прибалтику от Центральной России?

Б. Р.: Ну как что? Чистота огромная, кухня гораздо лучше, дома более добротные, ландшафт ухоженный, порядка больше. То же, что и сейчас. И, наконец, просто архитектура, потому что Таллин, как я уже сказал, один из хорошо сохранившихся средневековых городов Европы, и я убедился на своем опыте, что ни в Стокгольме, ни в Копенгагене нет таких замечательных кварталов средневековых.

Ю. С.: Вы себя комфортно чувствовали? Все-таки же это не русское...

Б. Р.: Я себя чувствовал комфортно. Я не знаю, почему возникают такие вопросы.

Ю. С.: Ну, интересно, это же не русская культура.

Б. Р.: Ну почему же? Русские люди там тоже попадались. Я помню, что я пришел на пляж, а там, значит, речка, маленький ручей, впадает в море. Он же делает меандр, он же не прямо впадает через пляж.

Мне захотелось все бросить, я снял пальто — я в пальто был тогда, это было в ноябре или октябре, — и стал эту канавку делать, чтобы русло спрямить.

Знакома тебе такая игра? Ну вот, и ко мне присоединился один эстонец, по-русски говоривший, и тоже вместе со мной стал это делать.

Ю. С.: Не было ощущения, что вы там чужой?

Б. Р.: Нет, у меня не было такого ощущения, но я понимал, что это другая страна и что она заслуживает, конечно, независимости, это я понимал.

Ю. С.: Вы тогда понимали, что она заслуживает независимости?

Б. Р.: Да, конечно, я это тогда понимал. Я все детство мечтал о том, чтобы все эти территориальные единицы, которые есть в СССР, чтобы они стали независимыми государствами. Почему? Мне это нравилось, потому что это интересно. Я всегда был мультинационалист, я и сейчас так же, я поддерживаю...

Ю. С.: То есть вы воспринимали так, когда были и в Бурятии?

Б. Р.: Да, в Бурятии я тоже хотел, чтобы она или была независимым государством, или присоединилась к Монголии. Хотя при этом она перерезала бы нам Транссиб. Потому что я всегда мечтал...

Ю. С.: При этом что? Я не расслышал.

Б. Р.: Транссиб, железную дорогу как бы перерезала бы. Но у нее тоже очень причудливые очертания, у Бурятии. Я всегда был на стороне малых народов. И сейчас. Я всегда хотел и сейчас хочу, чтобы все этносы получили независимость, потому что чем больше они получают ее, тем скорее их государства станут фактически административными единицами всемирного государства, которые, в общем-то, не такие уж и независимые.

Ю.С.: Как это связано? Я не слышал такой идеи.

Б. Р.: Ну почему ты не слышал? У меня такая идея.

Чем больше на свете так называемых суверенных государств, тем меньше их суверенитет на самом деле, потому что они вступают в союзы типа Европейского союза, имеют общую валюту, общую оборону. Ну и так далее.

В общем, это и есть путь объединения человечества, поэтому нужно дать всем возможность... Почему, например, Якутия — три миллиона квадратных километров — почему она не является независимым государством? А Исландия, где всего триста тысяч жителей... а Гренландия, где всего пятьдесят тысяч, уже на шаг от независимости, и у нее уже все права на недра, все есть.

Ю. С.: Вы примерно как Сахаров в этом смысле, его Конституция...

Б. Р.: Да я думал тоже, что лучше понятие СССР упразднить и назвать Конфедерация Восточной Европы и Северной...

Ю. С.: У него это страны Европы и Азии. Как-то так.

Б. Р.: Конфедерация Восточной Европы и Северной Азии, сокращенно КВЕСА. У меня такая идея была.

Ю. С.: КВЕСА.

Б. Р.: Да. Видимо, у Сахарова тоже. Но я также думал: чтобы не было никакого национализма, нужно быстрее переходить на международный язык эсперанто, чтобы каждый человек знал только два языка. Для выражения местной специфики — родной язык, а для выражения всего технического, коммерческого, стандартного — только эсперанто, международный язык. Но таким языком стал английский, а английский язык, конечно, очень удобен зрительно для понимания, но неудобен для произношения, неприятен.

Потом, английский язык есть результат варварского искажения старофранцузского языка и чего-то еще детьми. Мне это объяснял Гумилев.

Детский лепет, понимаешь: тут завоеватель, замки, а дети-то вместе играют. Дети завоевателей играют вместе с детьми завоеванных, и они трахают, конечно, женщин местных, все мешается. И получается ужасный варварский лепет, дикое искажение той же латыни и других языков. Вот, например, английский тоже так возник, путем дикого варварского искажения старофранцузского языка на одну треть, а на две трети он имеет германское происхождение.

Ю. С.: Просто потом не вспомню ни я, ни вы. Вы упомянули Гумилева — вы были знакомы?

Б. Р.: Да, я был с ним знаком, но недолго — я сидел с ним рядом. Я ему рассказал о своей...

Ю. С.: Рядом – это где?

Б. Р.: На диване у Юлия Григорьевича Липеца, в его квартире. Я ему рассказал, как в дельте Волги наблюдал этническое разделение труда: татары занимались земледелием, киргизы (казахи) скотоводством, а русские ловили рыбу. И он воскликнул: «Великолепно! Так и должно быть!» В царской России было такое разделение труда, особенно в западной части нашей страны, особенно в черте так называемой оседлости или на территориях, взятых у Польши...

Ю. С.: А книжки Гумилева вас когда-нибудь интересовали?

Б. Р.: Да, конечно! Я никогда не дал себе труд все прочесть, но «В поисках неведомого царства» или что-то еще я, конечно, посмотрел. «Этногенез и биосфера Земли» все время перелистывал, перелистывал, но полностью так и не прочитал. У меня есть эти издания.

Давайте вернемся к путешествию по Прибалтике. Оно было очень поучительным. Дальше я сел на автобус, который шел из Таллина в Ригу. В течение дня я должен был проехать из Таллина в Ригу. С остановкой в городе Пярну.

Ю. С.: Автобусы были как у нас или чем-то отличались?

Б. Р.: Автобусы были советские, никаких специфических автобусов там не было. Правда, от буржуазного времени в местном пригородном движении сохранялись автобусы в то время, особенность которых была в том, что багаж у них был на крыше, всякие мешки и лыжи перевозили. Но в данном случае это были советские автобусы, ничуть не комфортабельнее пригородных, такие обтекаемые. Они в Москве по городу ходили, и там сидели по два человека на диванчике сбоку и с другой стороны. Они были не очень комфортабельные.

И вот первый автобус, которым я ехал от Таллина до Риги, шел целый день. По дороге я остановился в городе Пярну. Стоянка у нас была небольшая, может быть, не больше получаса, но за это время я успел сбежать на железнодорожный вокзал, потому что из Таллина в Пярну шла узкоколейка. Большинство железных дорог в этих странах были узкоколейными. Это была узкоколейка шириной, видимо, около семидесяти пяти сантиметров, хотя вместо семидесяти пяти сантиметров ширина колеи может быть три с половиной фута. Это не одно и то же, но если они на футы строили, тогда тогда три с половиной фута. Значит, вагоны были узкоколейные, и я зашел в спальный вагон. Дело в том, что сейчас на автобусе можно часа за три доехать из Таллина в Пярну, а тогда паровой поезд шел шесть-семь часов узкоколейный. И в Таллине был вокзал «Таллин-Вяйке». Узкоколейный вокзал.

Ю. С.: Три с половиной фута — это больше метра.

Б. Р.: Я ошибся, два с половиной. Это будет приблизительно семьдесят пять сантиметров, а три с половиной — японская колея.

И вот я зашел в спальный вагон. Очень интересно. Представь себе купе плацкартного вагона. Представь, что ты идешь между полками. Идешь по всему вагону. По бокам обыкновенные боковые полки, посередине проход.

Ю. С.: Интересно.

Б. Р.: Вагоны такого типа я и в Таиланде видел, вообще везде. Там, правда, не такая узкая колея, метровая.

” Это все я застал, понимаешь? Спальный вагон был в пределах Эстонии! Сейчас это совершенно немыслимо. Потому что когда в следующий раз я ехал по этой железной дороге, она уже была перешита на широкую колею, и там были нормальные вагоны, нормальный тепловоз.

Потом я приехал в Ригу, в Риге я предъявил тоже какие-то документы, и меня поселили, причем бесплатно, в общежитие университета местного. У меня было письмо от Московского университета с просьбой оказывать мне содействие, поселять меня, и меня везде поселяли. Что, ты устал?

Ю. С.: Нет-нет. Это вам Баранский?

Б. Р.: Нет, Баранский тут ни при чем, просто в деканате бумажка была.

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: При чем тут Баранский? Чего его беспокоить по пустякам? Это тогда было в порядке вещей: билет студенческий Московского университета открывал дорогу по всей стране. Все относились к этому с почтением, с уважением...

Ю. С.: Стоимость проезда для студентов была с какими-то скидками или нет?

Б. Р.: Нет, она не была со скидкой. Я такого не помню, может быть, что-то и было, но я не помню. Ну вот, Рига. Не помню, сколько там ночей ночевал, ночевал ли я там вообще в этот раз. Следующий автобус у меня был от Риги до Калининграда. Всего лишь второй автобус и всё — Калининград, бывший Кёнигсберг.

Ю. С.: Интересно, а от Кёнигсберга...

Б. Р.: Сейчас я посмотрю. *(Сверяется с записями.)* Таллин, Пяэскюла, Пярну, Рига... А, правильно, Пярну, Рига... Ага. Значит, в Риге я ночевал, потому что у меня тут написано, что я ездил на электричке в Кемери, Пумпури, Майори. Я на электричке съездил, осмотрел Рижское взморье. Ну как же я мог пропустить Рижское взморье?

Ю. С.: Когда приехали в Кёнигсберг, это что, развалины? Выглядело как Сталинград?

Б. Р.: Да-да, сейчас скажу. Конечно — в отличие от Сталинграда. Значит так. Я ночевал в Риге, побывал на Рижском взморье. Электрички там мне понравились, они были такие же, как в Подмоскovie, потому что они там же и делались, на РВЗ, Рижском вагонном заводе, но там не было высоких платформ, это было очень удобно, ступеньки были хорошо устроенные, и можно было спокойно ходить через пути. Не было этих мучений, по тоннельным переходам. Ну вот, я переночевал в Риге и поехал на автобусе до Калининграда. Литву проскочили практически без остановок, не считая выхода в туалет.

Литва отличалась от Латвии. Она была и грязнее, и люди там имели более крестьянский вид: на них были тулупы, попадались какие-то шапки, что-то такое похожее на Белоруссию было. Сейчас этого нет, конечно.

Литву мы проехали в стороне от Вильнюса, ближе к морю. Через Шяуляй, значит.

В Калининград приехали вечером, и в общежитии университета оставался ночевать. Калининград выглядел так: линия узкоколейного трамвая, вагоны немецкие, похожи на наши московские старые, чуть поменьше. Вот представь себе: чуть в сторону от трамвайных рельс — груда кирпичей. Он [город] был хорошо разбомблен. Правда, чувствуется, что некоторые здания разбомбили с трудом, потому что глыбы были крупные, крупные глыбы кирпичей. В общем, везде сплошные руины и немецкая надпись: «Straßenbahn. Schritt fahren», то есть «Трамвай. Ехать медленно» — для автомобилистов надпись, старая еще, покосившаяся, стоит.

Ю. С.: Еще старая надпись?

Б. Р.: Да-да. 54-й год. У нас народ очень ленивый, я видел под Москвой случай, когда железная дорога разобрана, а светофор еще горит, потому что всем на все наплевать. Ветка, которая идет из Нахабино в Павловскую слободу, не только заброшена, но уже и застроена коттеджами. Правда, когда она не была застроена коттеджами, раньше: железной дороги уже нету, она заброшена, а светофор горит по-прежнему. Никому за многие годы и в голову не пришло [выключить].

Ю. С.: «Сталкер», можно сказать.

Б. Р.: Ты же сам удивлялся, когда мы вчера на прогулке видели эту девушку. Почему ей в голову не приходит поинтересоваться, где она находится, кто этот парк устроил, в котором она работает. И так же, видимо, простые люди, в отличие от меня или от нас с тобой, могут этого не замечать. Для них это не существует, что горит светофор много лет или много месяцев.

Видимо, в этом и состоит особенность русского народа, почему, собственно, он такой своеобразный. Ясное дело, что в Западной Европе такие вещи невозможны.

Ну вот, значит, представь себе эти развалины, и посреди всего — одно чистенькое ухоженное место. Угадай, что это?

Ю. С.: Горком, наверное...

Б. Р.: Нет. Могила Канта. Но для этого потребовалось задним числом создать легенду, что Кант был российским, собственно, ученым, потому что он был подданным императрицы Елизаветы, но сколько дней он был подданным, я не знаю, успел ли он это оформить. Ты знаешь, эта война Северная (*Семилетняя* — Б. Р.), что Кант с удовольствием хотел перейти на русскую службу...

Ю. С.: Но, по-моему, он не перешел.

Б. Р.: Тогда с удовольствием вручали ключи, понимаешь? Идет победитель, и все с радостью вручают ему ключи от города. Наполеон удивлялся, где ж ключи от Москвы, что же ему их не несут. Так что, видимо, было так принято. Ну, тут проклятый, как говорится, Петр III — ему не могли этого простить — взял и прекратил эту войну, а то да, Кант был бы русским ученым. Ну, если Наполеон чуть не стал российским полководцем...

Ю. С.: Это я не слышал.

Б. Р.: Дело в том, что когда Наполеон закончил военную академию, ему было, в сущности, все равно, где служить. Не был он патриотом Франции особенно, он охотно и против нее воевал бы... А тут как раз приехал какой-то князь из России, набирать на русскую службу. И Наполеон уже хотел поступить, но тут Екатерина прислала указ, набирать с понижением в чине, то есть, например, если он окончил, допустим, говоря нашим языком, лейтенантом, то его возьмут в Россию младшим лейтенантом, а Наполеон оскорбился и отверг такое предложение. Так и написано, что Россия потеряла великого полководца.

Ну вот, значит, Калининград... Я, конечно, не ограничился собственно городом, ездил по окрестностям. Потом сел на поезд и приехал в Вильнюс.

Ю. С.: Во всех этих поездках вам приходилось хоть с кем-нибудь там разговаривать?

Б. Р.: Очень мало. Ты же знаешь, я человек не общительный.

Ю. С.: Ну это сейчас, а раньше?

Б. Р.: И раньше я не был особенно общительным. Я не помню, чтобы я завел какое-то знакомство. Были случаи, что кто-то

давал мне свой адрес где-то в поезде, возможно, я ему даже писал одно-два письма, но это не сохранилось.

(Пауза в разговоре.)

Ю. С.: То есть для того чтобы вам стать общительным, должен был появиться интернет.

Б. Р.: Посредник должен появиться. Не интернет, а рядом со мной другой человек, более разговорчивый.

Ю. С.: Понятно. Давайте продолжим...

Б. Р.: Да-да, сейчас. Это путешествие, я же еще не закончил. И дальше я поехал по железной дороге в Вильнюс. В Вильнюсе была моя однокурсница Гедре Каружайте.

Ю. С.: О!

Б. Р.: Да, она тоже подруга Юли Ласис. Тогда все это было просто, я без всяких разговоров к ним в гости внедрился. Ночевал у них, они меня кормили, кстати, с Гедре я ездил в Тракай, это замок такой на берегу озера. Тогда он был весь в руинах.

Ю. С.: Это Литва?

Б. Р.: Да. А потом его восстановили, сейчас он как куколка, но он же новодел сейчас. Я выяснил, что Гедре, родившаяся в 30-м году, успела побывать в Кёнигсберге, еще когда он был в Германии, то есть она году, в 39-м или 40-м, ездила туда с родителями. Ее родители были очень почтительны со мной. Потом она вышла замуж, стала научным работником в Литве, стала ее фамилия Каружайте-Юодишене. Сейчас она с моими однокурсниками никакой связи не поддерживает, сколько ни пытались, она не откликается, ей, видимо, до лампочки.

После этого я сел в поезд и приехал в Подмоскowie. Проснулся в холодном вагоне, в купейном я вагоне ехал, не в плацкартном. Вот — и Бородино. Я сразу же увидел памятник французам, который стоит с той стороны железной дороги. Памятник французской армии у нас там один, а остальные все...

Ю. С.: Французской армии — это такой орел, где...

Б. Р.: Да-да, именно орел, это я увидел сразу. Потом поезд остановился в Кубинке...

Ю. С.: Там братская могила.

Приказ об отчислении

Б. Р.: И вот я прибыл на геофак в 54-м году. У меня не сдана сессия весенняя. Сколько я гулял... От меня деканат ждет, что я сессию эту сдам, а мне не хочется этим заниматься. И так они ждали меня до самого Нового года. Наконец, под Новый год деканат издал указ о моем исключении. Тут уж я не знаю, что бы Баранский делал, я его не хотел подводить. Но у нас на курсе девушки заволновались. Была одна такая Донара Юрченко, она ко мне приклеилась в этом смысле, заставила меня сдать экзамены. Повлияла на меня.

Ю. С.: Так приказ-то уже был.

Б. Р.: Да, приказ был уже, я сам его читал.

Ю. С.: Ну так...

Б. Р.: Ну как сейчас, сейчас тоже приказ в институте о том, что я увольняюсь, так сказать, по сокращению штата. Сегодня я звонил в отдел кадров, они сказали: «Не волнуйтесь, приедете девятого, заявление подадите о переводе в другой отдел». Так что, видишь, приказ как-то затормозили. Я сдал экзамен довольно прилично, чуть ли не одновременно с зимней сессией. Вопрос отпал, а дальше уже...

Ю. С.: Вы все эти годы, значит, жили без стипендии?

Б. Р.: Некоторое время я был лишен стипендии, но не всегда.

Ю. С.: Ну как, вы же ничего вовремя не сдаете.

Б. Р.: Иногда да, тут ты прав. Иногда я получал стипендию, иногда не получал. Бывало так, да. Дальше, видимо, я стипендию получил, и вот наступает 55-й год. Второй, весенний семестр. В это время студенты у нас на занятия уже не ходили.

Дипломная работа

Ю. С.: Диплом пишут, да?

Б. Р.: Да, пишут дипломные работы, я не люблю говорить слово «диплом». Диплом пишут те, которые продают его в подземном переходе. Ну вот, что же мне делать? Та работа, великолепная, огромная была в прошлом, а теперь что, у меня больше никаких идей нет? Мне предложили сократить ту работу, чтобы из нее вышла статья для научного сборника «Вопросы географии». Я ее сократил, приспособил ее к черно-белой печати, убрал то, что невозможно издать. И подал вариант дипломной работы уже гораздо меньше, страниц на сорок машинописных.

Ю. С.: То есть вы из той курсовой сделали дипломную работу?

Б. Р.: Да, в виде статьи в «Вопросах географии».

Ю. С.: А это можно было?

Б. Р.: Все можно было. Эта статья есть, я ее тебе покажу. Таким образом, я сделал статью. В этом моя работа и состояла, что я сделал хорошую научную статью из толстой курсовой работы. Это очень поучительно для меня: я научился кратко выражать свои мысли.

Ю. С.: Но от вас это потребовало какого-то серьезного труда?

Б. Р.: Потребовало, конечно. Ты же видел, сколько я чертежей сделал своими руками, у меня же полно здесь всего...

Ю. С.: Нет, чтобы сократить.

Б. Р.: Конечно. Но это же было удовольствие тоже, писать такую работу.

Ю. С.: Вы не поняли. Мой вопрос относится не к курсовой работе, которую я фотографировал, а к дипломной, к статье. Эту статью было легко сделать из толстой...

Б. Р.: Конечно легко, информации-то много, есть из чего отбирать.

Ю. С.: Понятно. А как прошла защита?

Б. Р.: Защита, по-моему, блестяще прошла. А там как было: один авторитетный человек, Саушкин или Баранский, говорит, остальные с ним соглашаются и молчат, и все. А как еще?

Ю. С.: Ну вы должны что-то рассказать перед ними.

Б. Р.: Ну конечно, я что-то рассказывал. Ну как же. Все нормально было. И оппонент был, все было... Ничего невозможно сейчас уже вспомнить. Ну вот, 55-й год, мы заканчиваем.

Ю. С.: Университет заканчиваете? Торжественное дело.

Распределение

Б. Р.: Да, университет я заканчиваю. Тут банкет какой-то, я уже не помню, был я на банкете или нет, студенты преподавателей там шампанским обливали, что-то еще... Меня распределили в Географгиз, Государственное издательство географической литературы.

Ю. С.: В аспирантуру не взяли?

Б. Р.: Нет, было совершенно заранее известно, в аспирантуру берут только комсомольских работников. Видимо, тех, кто сотрудничает с КГБ, прошу это запомнить. Именно так было, поэтому все понимали: в аспирантуру меня не возьмут, но меня надо устроить в хорошее место.

Ю. С.: А с вашей группы в аспирантуру брали кого-то?

Б. Р.: Да, как раз товарищей, которые были комсомольскими работниками и сотрудничали с КГБ.

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Как они сотрудничали с КГБ, я не знаю, но знаю, что у них с ними были хорошие отношения. У Баранского была целая плеяда, небольшая группа любимых учеников. С моего курса много у него было любимых учеников: я, Юля Ласис, Витя Варламов и Борис Хорев, который стал мужем Юли Ласис, так что кафедра очень радовалась, что и свадьба такая, и семья экономгеографическая, Ласис и Хорев. Что с ними было дальше? Варламов был сын партийного работника из Оренбурга.

Ю. С.: Его в аспирантуру взяли?

Б. Р.: Да, его взяли в аспирантуру. Но взяли таким образом: в тот момент, когда было распределение, когда меня распределяли, было заранее известно, куда я иду, я только говорил «да-да» и все подписывал, что положено.

” А Саушкин поставленным голосом Варламову сказал: «Виктор Сергеевич, мы направляем вас учителем в Читинскую область. Вы согласны?». Тот говорит: «Да, я согласен». — «Мы пошутили, вы остаетесь в аспирантуре геофака МГУ». А если бы был несогласен в присутствии посторонних товарищей, сидящих в комиссии, могли бы и не взять в аспирантуру.

Ю. С.: Ну и шуточки!

Б. Р.: Да, такие были шуточки. А Леня Серебрянный, студент, с которым я случайно стоял в толпе на открытии нового здания МГУ 1 сентября 53-го года, окончил в 54-м университет, и его тоже хотели загнать куда-то в учителя. А он и иностранные языки знал, и вообще знаток был физической географии Западной Европы. Он отказался официально от распределения. Так о нем даже газета «Правда» писала, как он нехорошо поступил. Год-другой он то ли был безработным, то ли работал не там, но все равно выкарабкался, и сейчас в книге, посвященной ученым, уже покойным, Института географии, о нем тепло отзываются, у него были ученики. Несколько лет назад, зайдя в Институт географии, я увидел, что дорогу мне перегородила похоронная процессия: это Леню несли на кладбище. Прожил он лет семьдесят пять, меньше меня. Таких случаев сколько было... Липец Юлий Григорьевич, мой друг лучший, женившийся потом на моей однокурснице Лере Панфиловой, тоже

отказался от чего-то и тоже год где-то болтался, чуть ли не безработный. Таких было немало, но почти все они выплыли.

Ю. С.: То есть народ отказывался от распределения? Это можно было разве?

Б. Р.: Можно было. Я сейчас не помню деталей... Значит, распределились кто куда, а я — в Издательство географической литературы. Государственное издательство географической литературы возникло, если мне не изменяет память, в 1946 году, на волне советского патриотизма. Надо вспоминать о российских ученых, о российских географических открытиях, надо писать об этом книги, книг мало на эту тему, народ не знает. Это была прекрасная волна, книг было написано много. Была серия «Путешествия, приключения, фантастика», были другие серии, много серий. И, наконец, возникли научные сборники «Вопросы географии». Каждый год они выходили, они были не периодичны в том смысле, что не обязательно в какой-то определенный срок, но в год их выходило два-три, они были тематическими. Меня посадили на научную литературу...

Ю. С.: Вы пришли в Географгиз, как это выглядело?

Б. Р.: Это рано говорить, я до этого побывал на Памире, это тоже существенно. После того как весной стало ясно, что я поступаю в Географгиз, который помещался по адресу Ленинский проспект, дом 15. Я думаю, что сегодня мы наш рассказ закончим именно тем, как закончилось это лето...

Ю. С.: Ну да.

Б. Р.: А сам Географгиз уже другое. Значит, я спокойно распределился в Географгиз и отправился на Восточный Памир.

Кругосветка по Волге—Оке. Путешествие на Восточный Памир

Ю. С.: На Памир поехать — это же, вроде, дикие деньги.

Б. Р.: Хорошо, я сейчас расскажу, как я ехал. У меня был друг... Нет, до этого еще было очень яркое путешествие — кругосветка по Волге—Оке! Дело в том, что у меня из той самой «дружной шестерки» был закадычный друг Сережа Иконников. Про него говорили, что он родился с определителем растений в руках. Он был настоящий ученый, настоящий ботаник, настоящий натуралист в классическом смысле слова, теоретиком он не был. Шел уже май месяц, я хорошо распределился и работу уже, кажется, защитил, освободился к концу апреля от всех обязательств перед геофаком. Впереди были госэкзамены, но к ним я уже не относился серьезно, мне было все равно, какую я получу оценку.

Ю. С.: Госэкзамены — это же был научный коммунизм и по специальности?

Б. Р.: Ну, что-то такое. Научный коммунизм не хочется вспоминать. Значит, так: я 30 апреля отправился в яркий поход подмосковный. Там было пять девушек: Арманд, Беликова, Бондарева, Краевая, Лопатина и примкнувшая к ним Дайнеко.

Ю. С.: И один мальчик?

Б. Р.: Нет, были мальчики еще. Но эти девушки стали моими приятельницами. Арманд, дочь Давида Львовича Арманда; Беликова; Бондарева, впоследствии жена Лени Смирнягина, видного ученого; Краевая, которая на Камчатке была и там умерла, и примкнувшая к ним Лена Дайнеко, потому что Лена Дайнеко была школьницей, а они были студентки третьего курса. Я вообще дружил с младшими студентами, видимо, поскольку во мне были задатки доминирования, а доминировать над своими однокурсниками я не мог в силу слабости характера, поэтому еще со школьных лет я дружил с младшими. Вот был такой яркий поход.

” Я там влюбился в девушку, которую звали Нина Беликова, а остальные все стали моими обожаемыми приятельницами. То есть всех я их любил, со всеми дружил.

Об Аленке Арманд у меня воспоминания написаны, с Ольгой Лопатиной потом по Прибалтике путешествовал, уже второй раз. А Рита Бондарева мне стала известна экспедиции, через нее я туда попал, 54-й год, Прикаспийская экспедиция, я с ней познакомился. Там еще была одна девушка, в которую я тоже начал влюбляться... Ладно, не буду я тебе забивать этим голову...

Ю. С.: Это был серьезный поход?

Б. Р.: Нет-нет, совершенно несерьезный, от станции Луговая до Клязьмы, ближайшее Подмосковье.

Ю. С.: А сколько воспоминаний!

Б. Р.: Ну а как же, там же школьники были, молодежь, это так приятно, такие молодые...

Ю. С.: Такой кусочек маленький, а на всю жизнь!

Б. Р.: Ночевали в палатке одну ночь.

Ю. С.: Одна ночевка!

Б. Р.: Да. Мы шли пешком до этого и после.

Ю. С.: Ну и что? Двадцать километров, одна ночевка — и вся жизнь.

Б. Р.: Для меня это был один из первых походов таких, вне экспедиции, потому что такого туризма, молодежного, у меня было мало тогда.

Ну, значит, поехали на Памир. Сергей Иконников с Памирской станцией был связан, и он сказал, что летом может устроить мне поездку на Памир, что меня там примут хорошо, на Памирской биостанции Академии наук.

Ю. С.: Где она расположена?

Б. Р.: Она расположена в урочище Зор-Чечекты, это Памирский тракт, который идет через Восточный Памир из Оша, Андижана. Начинается он в Киргизии, потом за Алайским хребтом попадает на территорию Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, не доходя Мургаба. В Мургабе я не был. Восточный Памир я знаю, Западного я не видел, ни Хорога, ни этих тропинок, которые называются оврингами. Восточный Памир не похож на Западный. Это высокогорное плато, над которым возвышаются горы, не столь уж высокие относительно, но очень высокие по абсолютной высоте. Так вот, ехали мы туда четыре дня (*поездом Москва — Андижан — Б. Р.*).

Ю. С.: Вы, когда говорите «мы», значит, вместе с кем-то?

Б. Р.: Все по порядку. Сергей Иконников мне сказал, что нашел мне товарища. Этого товарища звали Сергей Кахидзе, он был сыном какого-то очень большого ученого, физика. Мне говорили, что этот его отец парализован с 26-летнего возраста, что он лежит в постели, продолжает заниматься научной работой, причем пишет, держа карандаш в зубах. Я этого человека видел: бодрый, он полулежал в кровати. Жили они на Песчаной улице, в относительно новых домах...

Ю. С.: То есть у него руки тоже парализованы?

Б. Р.: Я же что помню, то говорю. Сергея Кахидзе мне дали в проводники, и мы с ним вдвоем едем. Мы оказались в поезде не то что в плацкартном вагоне, а в комбинированном, такие были вагоны комбинированные.

Ю. С.: Вы на свои деньги-то ехали?

Б. Р.: Да, на родительские, и стипендия еще. Дешевые же тогда были билеты, очень же дешевые. Ты не представляешь, какой транспорт был бесплатный в советское время. Я объездил весь СССР благодаря двум факторам: дешевизне билетов, которые сейчас совершенно немыслимы... Ты помнишь брежневские деньги хотя бы? Которые были в 80-х, 70-х...

Ю. С.: Конечно помню.

Б. Р.: Ты знаешь, что плацкартный поезд от Москвы до Ленинграда стоил семь с чем-то рублей? В сталинское время это могло быть в десять раз больше: семьдесят, пятьдесят...

” Билеты у меня все сохранились. У меня все в коробках лежат, все железнодорожные билеты, кому это интересно.

Ю. С.: Это какой-нибудь музей РАО «РЖД»...

Б. Р.: Где этот музей?

Ю. С.: Надо узнать.

Б. Р.: Сделайте так, чтобы никто это не выбросил после меня. Я не выбрасывал даже театральные билеты. Я в театр мало ходил, но они все сохранились. А что касается железнодорожных картонных билетов, у меня целая коробочка. Они же были картонные тогда. Ну вот, значит, и мы едем, и в каждом так называемом купе вагона, плацкартного по своей конструкции, помещалось девять человек. Вот считай, лежачих мест четыре, так? Еще наверху багажные, это уже сколько?

Ю. С.: Шесть. Два сбоку.

Б. Р.: Да, сбоку два и еще третий на багажном.

Ю. С.: Девять.

Б. Р.: Хотя могло быть так, чтобы еще на полу спали. Но в данном случае было девять. И там была одна молодежь. Одна молодежь! И это так было весело, так приятно. Мне ничего там не перепало в смысле девушек, но Кахидзе влюбился там в одну девушку, и к моменту нашего приезда в Андижан он уже твердо решил, что на Памир не поедет, а с этой девушкой, Ниной или Галей, останется. Так он и сделал, он меня предал. Я поехал один. Были у меня какие-то бумаги. Дело в том, что у экспедиции была база, видимо, внизу, в Андижане.

Ю. С.: Там вообще уже пограничники начинаются.

Б. Р.: У меня был пропуск, а как же! Тогда было так: если в командировку едешь, тебе быстро выписывают пропуск. Ты же помнишь это хотя бы?

Ю. С.: Ну да.

Б. Р.: Значит, видимо, у меня была командировка от географического факультета. Но командировка эта была без оплаты, она была только для получения пропуска. Этим мы широко пользовались. Я думаю, и с тобой такое бывало.

Ю. С.: Ну, я только по работе... А как вы поехали дальше?

Б. Р.: На открытой грузовой машине.

Ю. С.: Просто нашли сами, попутную?

Б. Р.: Ну почему же попутную? Я явился на базу представителей экспедиции, этой станции в городе Андижане (*в Оше — Б. Р.*),

по моей бумаге, меня погрузили, и мы поехали, с ночевкой по дороге. Ночевки было две, по-моему.

Первый раз, когда мы пересекали, кажется, Алайский хребет, я впервые соприкоснулся с высокогорьем, почувствовал, что горной болезни еще нет, но дышится уже как-то иначе. Это был перевал три с половиной тысячи метров.

Ю. С.: Да, места, конечно...

Б. Р.: Потом спустились. Значит, картина: пересекли Алайский хребет, там Заалайский. Панорама Заалайского хребта. Я насчитал там двести пятьдесят снежных вершин, почти каждый зубец считал. И среди них пик Ленина, который, конечно, не видно оттуда. И вот мы пересекаем Заалай. И поднимаемся уже на Памир. Переехали мы, кажется, самый высокогорный перевал, Кызыларт, что ли. В нашей стране самый высокий автомобильный перевал, четыре тысячи с чем-то [метров]... (*Смотрит маршрут по карте.*) Сейчас мы проверим. Значит, Андижан, Ош, Суфи-Курган, Сарыташ, Караарт... Так, это потом уже. Значит, въехали на Памир, и тут уже я чувствую: что-то не то...

Ю. С.: Холодно?

Б. Р.: Не в том дело, что холодно... Мы здорово [были] одеты. На мне был сверху бараний тулуп местный, который мне дали, на металлических крючках, с капюшоном, а внизу у меня мой собственный ватник, с которым я никогда не расставался, с меховой оторочкой. Штаны там не одни были на мне, низ был закрыт каким-то одеялом или спальным мешком. Рукавицы были. И вот, значит, я чувствую: какая-то сонливость, что-то такое нереальное, хочется уснуть или умереть. Все как в тумане. Сошел с машины — ноги не так идут, аппетит пропадает. И к вечеру мы прибываем на метеостанцию, которая называется Караарт на озере Каракуль. Тут, значит я...

Ю. С.: Нет на карте его...

Б. Р.: ...спал уже с высоким изголовьем, то есть полусидя, как положено. С нами был еще один студент, бывший повар, он накормил меня хорошим блюдом — азу — и как-то все у меня прошло, к вечеру следующего дня горная болезнь прошла. Я прибыл на станцию, которая находилась в урочище Зор-Чечекты, Памирская биостанция. Там сидели коллеги Сергея Иконникова, а его самого там не было, на мою беду.

Ю. С.: А биостанция — это один домик, два, несколько?

Б. Р.: Несколько, не меньше двух. Дело в том, что Иконников кончал какие-то свои дела в Москве, а с его дипломной работой была история, аналогичная моей. Она очень была серьезная, и ему дали отсрочку, поэтому он только в конце мая ее защитил.

А сейчас мы вернемся еще к интересной истории, которая была в мае того года. Дело в том, что Сергей Иконников был очень занят своей дипломной работой, а наука для него была выше всего. Дипломная работа — это в наше время была очень серьезная научная работа.

Ю. С.: Я уже не застал...

Б. Р.: Не знаю я ничего, я тебе говорю как было. Я не хвалю ту эпоху, ни в малейшей степени, я тебе говорю как было. Ну вот, а у Сергея Иконникова была невеста, Лера Панфилова. Это была девушка из нашей же «дружной шестерки». Они дружили, она была девственницей в то время, и он тоже был девственником. Считалось, что она вроде как бы его невеста, об этом никто ничего не говорил. Не принято было об этом говорить, но родители так смотрели, всё. Она, видимо, так думала, но об этом никто открыто не говорил, все мы друзья, все товарищи прежде всего, в советском смысле слова. Идет апрель, я уже развязался со своей дипломной работой, уже у меня поход был с девочками этими яркими, двухдневный. И вдруг появился один юноша, Феликс Коган, который стал ухаживать за Лерой Панфиловой. Причем Коган себя вел по-настоящему, как мужчина. Он не тянул тяготину какую-то, а он цветы ей преподносил, домой ходил. Он ей понравился как мужчина. А родители встрепенулись: как же так? Да еще и еврей — а они были антисемиты, как и большинство русских. И они решили, что Леру надо спасать. Еще немного, и свершится непоправимое. А Сергей Иконников не может заняться своей невестой, потому что дописывает дипломную работу, свою научную работу о флоре Памира. Она вышла потом как монография. Не эта, другая, но на базе этой. Он настоящий был ученый, настоящий ботаник, натуралист. Я очень таких уважаю.

И тогда, значит, он и родители Леры придумали такую комбинацию: меня с Лерой отправить на теплоходе в круиз, чтобы я спас ее от Феликса Когана и хранил ее девственность... А я был именно такой человек, потому что с Лерой у меня были товарищеские отношения.

Нам вручили билеты, проводили нас...

Ю. С.: Родители?

Б. Р.: Да, и посадили на теплоход. В начале мая, в очень холодное время мы плывем на теплоходе. Нас всего двое на весь второй класс. Ресторан нам готовит какую-то еду, но это неудивительно, они ж сами себя кормят, команду. Мы едем, в пальто закутанные. Она мне рассказывает про свою любовь к Феликсу Когану, я рассказываю про свою любовь к Нине Беликовой, которая, впрочем, мне тоже была достаточно чужая. Вот так мы едем, я лежу на верхней койке, она на нижней, мы лежим вдвоем в двухместной каюте, спим... Сам ее муж, Юлий Григорьевич, не мог никак понять: ну как же так? И я сейчас тоже не могу этого понять. Люди были другие, было естественно для меня, что это невеста моего товарища, и почему я должен

к ней приставать? Ничего такого не было. Десять дней мы так плыли. В Нижнем Новгороде сменили судно, и на другом уже пошли в Москву. Ну а что же стало с Коганом? Он каждый день к ней ходил. Явился с очередным букетом цветов к ней в квартиру, а родители сказали: она уехала. Куда? По Волге. С кем? С одним молодым человеком. Больше он никогда не приходил. Но след его не пропал: вскоре по радио передали о молодом инженере Феликсе Когане, который строит то ли Ангарскую ГЭС, то ли чего-то там... В Сибирь уехал.

Ю. С.: Вот так вот.

Б. Р.: Вот так меня использовали, как средство. Ну ладно, я приехал, сдал...

Ю. С.: Вы разрушили жизнь Феликсу Когану.

Б. Р.: Да, я разрушил. Видишь вот...

Ю. С.: А Иконников-то на ней женился?

Б. Р.: Нет конечно. Но это уже выяснилось в следующем году, когда он еепригласил-таки на Памир, он окончательно убедился, что она для полевой работы и в качестве жены ученого-полевика не годится.

Ю. С.: Ай-яй-яй...

Б. Р.: Она была слаба, ей хотелось и хороших духов, и чулок, и как-то жить по-женски. А мой друг Юлий Липец ей все это дал.

Ю. С.: А как фамилия вашего друга.

Б. Р.: Липец.

Ю. С.: Географ?

Б. Р.: Да, экономгеограф.

Ю. С.: Вот такая судьба.

Б. Р.: Ну и теперь мы вернемся к Памиру, есть о чем рассказать... Значит, мы на озере Кызыларт ночуем, приезжаем на биостанцию Зор-Чечекты. Я, конечно, опять примазался, меня там кормят, я деньги внес на питание, как положено в экспедиции. Романтика такая: ходить — особенно никуда не пойдешь вообще-то.

Ю. С.: Ну, а чем заниматься-то?

Подъем на пик Мукор и изгнание из экспедиции

Б. Р.: Вот именно, чем заниматься? Надо же чем-то заниматься, так? Я, конечно же, не сидел на месте (я там недолго был), сразу отправился в поход. Ничего не взял с собой, даже воды (в горах она есть). Я стал подниматься на соседний пик, который назывался Мукор. *(Проверяет по записям.)* Да, пик Мукор. Вот, значит, поднимался я на пик Мукор, относительная высота была не очень большая, но абсолютная высота была такая же...

Ю. С.: Относительная высота метров триста?

Б. Р.: Абсолютная как у Монблана, четыре восемьсот.

Ю. С.: А относительная метров триста?

Б. Р.: Нет, больше... Станция, по-моему, была на высоте три восемьсот или три шестьсот. Сейчас трудно вспомнить. Есть дневники, есть записи...

Ю. С.: Вы поднялись?

Б. Р.: Да-да. Я пошел в обычных ботинках, тогда не было у меня никаких ботинок, кроме городских, и в ватнике своем, стал подниматься. Поднимался-поднимался и поднялся на этот пик, но уже под вечер. Уже темнота сейчас наступит, а я там. О чем я думал? Но я им, видимо, сказал, куда я пошел. Ну вот...

Ю. С.: Ой, дурдом.

Б. Р.: Юра, ты видишь? Я не идеальный человек. Ну да. А что оттуда видно? На востоке видно Музтагата, которая находится в Китае, на юге виден Каракорум или что-то еще, который находится в Пакистане. И тут темнота мгновенно наступила, вокруг меня полный мрак, звезды где видны, где не видны. Где звезды видны — это небо, а где не видны — скала. И больше ничего, даже контуров скалы не видно.

Я стал вниз спускаться раком, так сказать, задом, а в одном месте скалы обледенели, понимаешь, скользят. Что же делать? А я пячусь и так постепенно спускаюсь. В одном месте я как бы слегка сорвался — и вниз, но оказалось немного, метра два всего.

И так я спускался. Тем временем внизу уже сигнал тревоги, там мигают огни, спасательные рожки (?). В общем, переполох. А рядом была еще станция физиков, они там ловили космические лучи.

Ю. С.: Она и сейчас есть, наверное.

Б. Р.: Так сейчас в Таджикистане она?

Ю. С.: Да, там моя работает знакомая, дочка Виктора Викторовича Чердынцева, моего первого начальника.

Б. Р.: Вот видишь, как здорово. Ну вот, я вот в четыре часа утра только спустился, еще темно было. Спустился благополучно. И первые, с кем я имел дело, были пограничники на погранзаставе. Или я к ним пришел, или они меня нашли, я все им описал, рассказал. Они позвонили по полевому телефону. Ну, был рассвет, я пришел на станцию на свою... Ну, что тебе рассказать, какими глазами я смотрел...

Ю. С.: Какими?

Б. Р.: Трудно сказать. Я лег отдыхать, съел чуть ли не полкило сахара, запивая его водой, так быстро восстановил силы. Потом они собралась и сказали, чтобы я немедленно покинул...

Ю. С.: Покинул? То есть отправили вас?

Б. Р.: Да, вон с этой станции. Правильно они сделали.

Ю. С.: Правильно. Ну и как? И вы вон?

Из Ташкента в Оренбург

Б. Р.: У меня было с собой два с собой чемодана, я с ними поехал на попутной машине обратно. Приехал в Андижан. На этом не успокоился. У меня, между прочим, тогда чуть ли не впервые в жизни был фотоаппарат (а у меня с этим очень плохо обстояло дело до сих пор). Мне что-то удавалось им снять, но это было напрасно совершенно, потому что... *(в Ташкенте милиционеры пленку засветили — Б. Р.)*. Да, я проехал Ташкент, Самарканд еще, только в Хиву не заехал.

Ю. С.: Поехали дальше в Ташкент, Самарканд?

Б. Р.: По железной... Тогда можно было брать общий железнодорожный билет и по нему сколько угодно выходить и входить. Это мне было известно. Тарифное руководство номер пять, плацкартный вагон. Я побывал в Ташкенте и потом в Самарканде.

Ю. С.: А какое впечатление? Ташкент же тогда был после землетрясения 49-го года.

Б. Р.: Я не заметил там следов землетрясения. Я, видимо, мало с ним имел дела, с Ташкентом... Помню базар, помню, как на базаре холодную воду...

Ю. С.: Нет, в Ташкенте позже было землетрясение...

Б. Р.: Да, позже...

Ю. С.: То в Алма-Ате...

Б. Р.: Наш профессор Саушкин выскочил в одних кальсонах.

Ю. С.: В Алма-Ате это было. *(Возможно, что в Ашхабаде — Б. Р.)*.

Б. Р.: Ну вот. Я помню общежитие в Ташкенте, очень простое: во дворе стояли кровати под навесом и без конца лился холодный душ. Кровати и душ. Ничего там тоже не платил. А в Самарканде, сейчас мы посмотрим...

Ю. С.: Ну есть это в памяти?

Б. Р.: Сейчас-сейчас-сейчас, подожди. Андижан, Ташкент, ах нет — в этот год я там не был. В этот год я не посещал Самарканд, прямо из Ташкента я поехал в Оренбург.

Ю. С.: А Ташкент, просто интересно, вы же впервые все-таки там были...

Б. Р.: Да, впервые.

Ю. С.: Средняя Азия такая настоящая.

Б. Р.: Очень слабые воспоминания. Ничего особенного там не помню. Была саманная застройка, была советская — ничего особенного, в окрестности не выезжал. В Оренбурге почему? В Оренбурге жил Витя Варламов, мой однокурсник, которого в аспирантуру распределили, сын партийного работника. И сейчас там моя знакомая, Таня Герасименко, она от меня узнала о существовании Варламова, выяснила: да, там живут его потомки, в общем, они его помнят, родственники типа племянников. Он сам жил в Москве, так что его память восстановлена. А в Москве Варламов поступил чуть ли не в какой-то отдел ЦК КПСС. А в ЦК КПСС свои отделы, там тоже есть все: и экономика, и все что хочешь...

Ю. С.: Ну да.

Б. Р.: Он экономической географией занимался в недрах ЦК КПСС, возможно, настолько засекречено, что о нем никто ничего не знал, и доктором наук он не стал, только кандидатом. И вот приехал я, в Оренбурге у него остановился. Дом был такой сибирский, деревянной застройки. И потом приехал благополучно я в Москву. Мне нужно было с 1 августа в Географгиз на работу поступать, но я, конечно, опоздал и поступил 9 августа. И только я поступил на работу в «Географгиз», как сейчас же меня отправляют в колхоз. Это же очень важно было, чтобы в колхоз кого отправить? Продолжать дальше?..

Ю. С.: Все, на сегодня все.

Б. Р.: Почему? Я хочу еще про колхоз...

Ю. С.: А, давайте!

Б. Р.: А «Географгиз» потом. Не пришлось мне в «Географгизе» ни дня работать, сразу в колхоз отправили, к концу августа это было. И вот нас посадили...

Ю. С.: Вас много было?

Б. Р.: В колхоз набрали людей из разных издательств. Это был так называемый Дом книги, Ленинский проспект, дом 15. Потом туда попал и «Госполитиздат», а сейчас там...

Ю. С.: «Наука», наверное?

Б. Р.: ...«Соцэкгиз». Нет, издательство «Наука» никогда там не было, оно было в районе Курского вокзала, было и остается. Помню, мы поехали на открытой машине по родному и знакомому Минскому шоссе, потому что Можайский район был у нас подопечным районом.

И среди нас был один человек, молодой очень, который почему-то ехал в хорошем городском костюме. А он был пьян и поэтому, когда его немножко укачало, он весь этот костюм заблевал, а заодно и весь грузовик.

Ю. С.: Да... Ну, все его пожалели, естественно. Да, Борис Борисович? Его ведь все пожалели?

Б. Р.: Да. Еще что сейчас не сказал... Дело в том, по-моему, прежде, чем поступить в «Географгиз», явиться туда, я с Витей Варламовым совершил путешествие в Тулу и Ясную Поляну. У меня было дней пять, но все равно мы с ним...

Ю. С.: А там в каком состоянии в то время все было?

Б. Р.: Ясная Поляна — в нормальном состоянии, а Тула — в центре очень трущобная. Мы останавливались в общежитии Тульского пединститута...

Ю. С.: Там же все-таки немцы были.

Б. Р.: Они были там?

Ю. С.: В Ясной Поляне — да.

Б. Р.: Вот, так что мы даже с ним доехали на трамвае до города Косая Гора, а потом уж пешком до Ясной Поляны. Так что еще там я успел побывать, сейчас точно не знаю, видимо, это было до того, как я явился в «Географгиз», потому что из «Географгиза» меня отправили сразу в колхоз. (Тула — отгул после колхоза — Б.Р.).

Ю. С.: Смотрите, какая масса поездов. Эти поездки, они... скажем так, мотивированы молодостью?

Б. Р.: Любознательностью...

Ю. С.: Чисто молодостью и любознательностью?

Б. Р.: Ну как сейчас. Для чего я ездил только что в Исландию и Гренландию?

Ю. С.: При этом могли быть какие-то научные соображения тоже.

Б. Р.: Все знания, которые я получал в путешествиях, косвенным образом отражались на моей теоретической географии. Косвенно.

Ю. С.: А так, когда ехали, никаких особых не было [научных целей]?

Б. Р.: Нет, когда ехал, — ничего особенного, я просто впитывал окружающее, и в дневнике отмечал только техническое: где был и с кем. А каких-то наблюдений — нет, я не записывал. И сейчас, когда ездил с Таней летом в Исландию и Гренландию, она по моей просьбе сама вела дневник, а я не вел. Сейчас, правда, я его редактирую.

Ю. С.: Понятно.

Б.Р.: И вот, значит, мы едем в колхоз. Тут еще было мое соприкосновение с деревней. Нужно сказать, что с настоящей деревней я в жизни мало соприкасался.

Ю. С.: Ну в детстве-то...

Можайский район, село Арбеково, сельхозработы

Б.Р.: В детстве на даче раза два, да, но Клязьма — это не деревня. Да, были мы под Истрой в деревне на даче, это тоже я считаю. Я хочу сказать, что всякое соприкосновение с настоящей деревней, и в эвакуации тоже, всегда было шоком, всегда, потому что эта жизнь была ужасна. Жизнь деревенских жителей настолько отличалась от нашей, они нами воспринимались как совершенно другой мир: это [вызывало] смесь жалости, отвращения и ужаса у меня как у городского жителя. Тебе понятно, что это было?

Ю. С.: Понятно. А у них к вам? Как-то проявлялось в разговорах?

Б. Р.: У них хорошее отношение было. Я не могу тут пожаловаться, что кто-то нас травил где-то там. Такого не было. Особенно

старухи деревенские, бабки, всегда к нам хорошо относились.

Ю. С.: Вот видите, как интересно.

Б. Р.: Я не знаю, чего ты ожидал и что ты имеешь в виду.

Ю. С.: Ну, я имел в виду, что с неприязнью. Вот, приехали буржуи из Москвы.

Б. Р.: Ну, это немножко, конечно, было, безусловно...

” Понимаешь, у колхозников было, с одной стороны, презрение к горожанам, что они ничего делать не умеют, паразиты. Но, с другой стороны, сами же колхозники тоже разучились работать, ведь почти все годы советской власти, послевоенного времени они избаловались, потому что к ним без конца горожане приезжали. Под конец в колхозе не работали, а ждали, когда им из Москвы пригонят людей.

Ю. С.: Ну, это в Подмоскowie.

Б. Р.: Да, так об этом я и говорю, мы же были в Подмоскowie. Как известно, все юго-западные районы Москвы, типа МГУ и все, были прикреплены к Можайскому району, он был подшефный. У Можайского района было много опекунов и шефов, очень много. Ему сильно повезло. И вот нас повезли к югу от Можайска, в село. Кажется, Арбеково оно называлось.

Ю. С.: Хорошее название, как у Лермонтова.

Б. Р. Да. Это было село низшего уровня, потому что есть более высокого уровня — это центр сельсовета. Дальше еще какой-то центр совхоза, а это уже было совсем село низкое, у него, по-моему, даже не было центра. Нас поселили в избе. Люди эти оказались переселенцами из Белоруссии. После войны у нас были самые разнообразные переселения. Где-то не хватало жителей — брали из другого места. Казалось бы, люди с востока должны были переселяться на запад, на места опустошенные, в Смоленщину, но нет. В данном случае из Смоленской области, причем из ее западной части, к нам переселились...

Ю. С.: Она же тоже опустошенная...

Б. Р.: В общем, в селе Арбекове жили выходцы... Эти избы, конечно, возникли не тогда, они были и раньше, но, может быть, война, может быть, погибли жители села Арбеково во время оккупации, а на их место люди тоже из бывших оккупированных земель, то есть из Белоруссии, были переселены. У них были характерные фамилии. У нас, например, был бригадир по фамилии Абрамович. Он был настоящий белорус, но с такой фамилией в советское время жить было не очень удобно. Но он был мужик простой и очень здорово матерился. Мы развлекались тем, что на бедрах кобылы писали матерные слова. Дело в том, что, когда по шерсти лошади проведешь пальцем, остается след.

Ю. С.: Ну да.

Б. Р.: Мы там писали любимое слово из трех букв.

” Нас развлекала дикость, мы наслаждались этой дикостью, тем, что вокруг все матерятся, что мы тоже можем материться здесь... Можем срать, где захотим, и что это здесь норма. Это нас развлекало.

Ю. С.: Вы где ночевали? В школе? В избе?

Б. Р.: Мы ночевали не в школе, мы ночевали в избе. Мы ели дрянь. Кто такие мы? Я, Недосекин, мой однокурсник, и две девочки. Одна девочка — забыл, как ее звали, — очень была неинтересная, некрасивая, а другая была полукитайка. Она была, видимо, побочной дочерью Дэн Сяопина, а не кого-нибудь. Жила она в Москве, в литерном доме, где сейчас Государственная Дума. Когда идешь по улице Горького — Тверской, — первые три дома не имели нумерации, они были А, Б и В.

Ю. С.: Этого я не знал.

Б. Р.: Ну вот, и там жила элита, там были даже биде в квартирах. И вот эта скромная девочка, Галя Савелова, а по-китайски Дэн Чжиги, она была дочь майора медицинской службы по фамилии Савелова, которая в китайской Красной армии работала еще в 38-м, что ли, году. И Галя помнила даже расстрелы китайцев японцами и разные такие драматические сцены. Она была, значит, побочной дочерью одного из этих товарищей. То ли Дэн Сяопин, то ли другой. Когда перед 1 октября, годовщиной китайской революции, было объявлено, что в Китае вводится звание маршала, было назначено десять маршалов. Она сказала спокойно, что «один из них — мой отец».

Ю. С.: А мама-то русская?

Б. Р.: Да. Мама умерла к тому времени. Конечно, я к каждой девушке клеился... Да, работа у нас была очень интересная... Стояла хорошая погода... Деревня-то эта была... Настоящая изба... Говорили они на смоленском диалекте: «Што вы, девки хойтё, грайтё, пойтё, мяне спать не дайтё?» Вот примерно так. Например, [хозяйка] нам давала суп, который состоял из одной картошки, сваренной просто в воде, и все. Естественно, мы нос воротили, а она нам говорила: «Ну, штой-то вы, ребята ничего не жритё?» — искренне говорила бабка, у бабки мы жили. Она к нам тепло относилась, и к Гале этой, конечно, тоже. Мужики местные там еще были. У нас там было бабье лето. Там еще существовало льноводство, работа была легкая, приятная даже,

в том смысле, что мы иногда на машине лен разбрасывали... Ты знаешь вообще, что это такое, нет?

Ю. С.: Как лен разбрасывают — нет.

Б. Р.: Ну вот, это я тоже не знал. По грунтовой дороге разбрасывали лен... Машина идет, и надо его сбрасывать, на дороге он ложился. Но самая интересная у нас была работа, самая распространенная — это крутить ручку от веялки, вместо двигателя. Надо же было чем-то занять людей. Нас столько народу из Москвы нагнали, они ж не могут без дела сидеть. И вот каждый крутил от тридцати одного до тридцати четырех раз. Сильный мужчина мог крутануть тридцать четыре раза, а я — только тридцать один.

Вот стоит очередь из мужиков московских, и я кручу, тридцать один раз крутанул, отошел. И потом в очередь опять выстраивались, так целый день мы крутили ручку от веялок.

Была чудесная погода, только в конце немножко испортилась. Тем временем я уже проникаюсь нежностью к Гале Савеловой. Она нам рассказывает про Китай, она по-китайски говорит, очень простая девочка, очень она была к нам внимательна, она нам и посуду мыла, и...

Ю. С.: А что она кончила-то? Почему ее к вам присоединили?

Б. Р.: Она работала корректором в издательстве «Госполитиздат».

Ю. С.: А, ничего...

Б. Р.: Конечно, в хорошем месте она работала. Видимо, «Госполитиздат», не «Русский язык»...

Ю. С.: Ну, то есть образования не было у нее?

Б. Р.: Как не было? У нее уже высшее образование было, она была на год старше меня.

Ю. С.: Высшее образование — корректором была?!

Б. Р.: А с этого начинают. Может быть, младший редактор.

Ю. С.: Seriously?

Б. Р.: Может быть, младший редактор. А корректор — почему же нет? Нет, это, конечно, было время, когда корректорами работали с десятилетним образованием, сейчас это невозможно. Она работала в нашем же Доме книги, в конце коридора. Где она именно работала, в какой комнате, я потом узнал. Ну вот, познакомился я с ней в деревне. Значит, мы живем душа в душу. [Вторая] девочка, забыл, как ее звали, от нас уехала досрочно. Поэтому драма некоторая началась, когда мы остались: я, Недосекин и Галя, вдвоем. Это была наиболее острая ситуевина. А с первой девочкой тоже была интересная история. Она была немного того, она была «шизо», и она той же осенью кинулась с моста с Крымского в воду, чтобы покончить самоубийством. Мы знаем, что у нас есть мост самоубийц, а именно Крымский мост, кидаться всегда хорошо с него. Там есть специальный дежурный, который их ловит. Ее быстро выловили. Она отделалась тем, что два дня в больнице пролежала. Ее спас милиционер, который там дежурил. Потом этого милиционера пригласили в издательство и подарили ему в награду комплект географической литературы. Ах, как это все было трогательно! Вот эта девушка, имя которой я забыл, нас покинула. Мы остались вдвоем: я, Недосекин и Галя. Недосекин, конечно, как мужчина был более нормальный, чем я, с девушками обращался так, как положено. Нет, ничего он с ней не достиг. Но однажды, когда я остался в избе один... Да, я как-то, помню, робко залез на печку, где спала Галя, и поцеловал ее в щечку. Она на это никак не отреагировала, сделала вид, что этого не было, а потом мне как-то показалось, что на крыльце сидят Дима Недосекин и Галя Савелова, целуются, а я сижу в избе. И у меня от ужаса поднялась температура.

Это был один редкий случай в моей жизни, у меня от приступа ревности температура поднялась до сорока градусов. Меня уложили в кровать, и Галя за мной ухаживала. Температура у меня к следующему дню спала.

Ю. С.: Да, неплохо.

Б. Р.: Ну вот. Мы уже близки к окончанию моего рассказа. Тем временем погода портится, наступает настоящая осень и грязь. У нас уже работы никакой нет, нас нигде не шлют. И тут мы видим такую картину: на горизонте грязь, поле, по нему идет китаец в кремовом костюмчике светлом, желтых ботиночках. Он идет к нам. Дело было так: машина ЗИМ... Как это? Такая машина была с флажком...

Ю. С.: ЗИС или ЗИМ...

Б. Р.: ЗИМ, машина посольская, дипломатическая, с пятизвездным флажком, доехала только до райцентра, дальше дорога не позволяет. Дальше поднялся переполох, выделили машину легковую, потом чуть ли не трактор, довели до ближайшего села, а дальше уже и трактор проехать не может. Он пришел к нам пешком, очень вежливый, очень сладкий молодой человек.

Ю. С.: За Галей.

Б. Р.: Она выдала его за своего брата. И они по-китайски, по-китайски разговаривают. Мы его угощаем, он пить не может, водка ему не [годится]...

Я там выпил самое большое количество водки в своей жизни. Как ты думаешь, сколько? Всего лишь двести пятьдесят грамм, закусывал салом и соленым огурцом. Больше я никогда не пил столько.

Дальше еще был случай, когда стакан выпивал, но с тех пор нет. Ну вот. Мужички местные говорят: «Галя-то у нас еще целочка. Вы ее тут испортите». Китайцы заволновались. Не прошло двух-трех дней, опять явился китаец, и ее увезли, досрочно. Мы прониклись, конечно, чувством дружбы к Гале Савеловой. Мы вернулись на работу наконец, то есть приступили в Географгизе. У нас там рядом был Парк культуры через дорогу, и мы в обеденный перерыв ходили гулять в Парк культуры. Причем часто мы свое пребывание там очень затягивали, бывало, что полдня гуляли в Парке культуры. И тут же Галю вызвали Савелову. Ну и она — ти-ти-ти, держится как-то осторожно, ни бэ ни мэ не говорит, ни на какие приглашения не откликается. И однажды когда я хотел ее застичь в коридоре, она от меня сбежала, шарахнулась. Короче говоря, там ею распорядились — чтобы никаких знакомств.

Ю. С.: То есть Китайская Народная Республика ее как-то...

Б. Р.: Да. Она была членом семьи маршала китайского, возможно, Дэн Сяопина. И дальше жизнь сложилась трагично. Она жила на две страны, вышла замуж, конечно, за китайца, и, возможно, именно за того. Она там рожала детей китайцам. Сначала была дружба, потом была вражда между Россией и Китаем. Как ее жизнь закончилась, я не знаю. Не исключаю того, что она живет в России. По-моему, она все-таки Россию больше любила. Но она была как бы пленницей китайцев. Ну а мы: я, Недосекин и еще Чижов, приступили к работе в Государственном издательстве географической литературы. Начался новый период моей жизни, о котором я буду рассказывать в другой раз.

Ю. С.: Спасибо, Борис Борисович. Спасибо.